

Смена

1.
Персональная
библиотека
имени
В. И. Ленина

XX 101
— 1

12

БУДЬ ГЕРОЕМ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ!

ОПТИЧЕСКИЙ

ПРИЦЕЛ

Видела ли вы на снайперской винтовке маленькую трубочку, прикрепленную небольшим кронштейном? Это оптический прицел. Он увеличивает и как бы приближает цель. Трубка эта имеет 27,5 сантиметра длины и немного больше 5 сантиметров в диаметре. В перед-

Наводка на цель открытого (слева) и оптического (справа) прицелов.

нем конце трубки, который образует к мундшу, помещаются две склеенные вместе линзы — объектив. Линзы объектива обрываются во внутрь трубки перевернутое изображение предмета.

За склеенными линзами объектива в трубку помещаются еще две маленькие линзочки. Каждая из них также склеена на двух линз. Назначение этой пары — перевернуть и немного увеличить изображение, которое подал объектив.

В самом заднем конце трубки помещены еще три линзы — окуляр. Линзы окуляра увеличивают полученное изображение.

Все линзы вместе дают возможность стрелку видеть метрехреатно увеличенный и как бы вчетверо приближенный к его глазу предмет. Плохо только то, что ступа зрения объектива очень мал и, рассматривая изображение через окуляр, стрелок видит лишь небольшую часть пространства,

во много раз меньшую, чем невооруженным глазом. Но с этим приходится мириться. Тут можно сказать: «Лучше меньше, да лучше...»

Внутри трубки спускается сверху тоненькая заостренная нить. Ее называют «спуском». Справа и слева к «спуску» подходят еще две такие же горизонтальные нити. Когда стрелок смотрит в прицел, он видит все три нити. При этом «спуск» оказывается перекрестком.

Как же пользоваться оптическим прицелом? Острые «пеньки» должны прийтись в точке прицеливания и точно на одном уровне с острыми горизонтальными нитями. Теперь — огонь!

Установка прицела на нужное расстояние производится вращением верхнего барабаничка. При этом рамка с нитями передвигается вверх и вниз; это выводит нас коснуться или поднимать передний конец винтовки, придавая ей нужный угол возвышения.

На кроме барабаничка нанесена шкала с цифрами от 1 до 14. Каждое деление соответствует ста метрам, как на планке обычного прицельного приспособления. На неподвижной части корпуса сделана постоянная черточка — риска. Вращая барабаничку, нужно поставить меточную шкалу, соответствующую расстоянию до цели, точно против риски на корпусе. И — вое.

Слева на корпусе трубки имеется еще один барабаничек, который перемещает нити перекрестия вправо или влево. Передвиганием нитей можно поправить на ветер, на движение цели, то есть то, чего не дает обычный прицел.

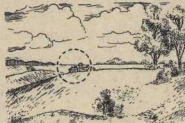
На кроме этого второго барабаничка также имеется шкала. На ней по середине выбит нуль, а по бокам — знаки: «+» и «-». Если вращать барабаничку с сторону «плюса», — вносятся поправки вправо; если вращать с сторону «минуса», — влево. Каждое деление шкалы этого барабаничка означает точку подведения пули на 1/1000 расстояния до цели.

Когда мы пользуемся биноклем, нам приходится, как говорят, «наводить» его во глазом. Ведь один человек видит лучше, другой — хуже. В оптическом прицеле также можно вносить поправки на зрение. Для этого нужно только, глядя в окуляр на цель, вращать кольцо с насечкой и шкалой. Кольцо вращается до тех пор, пока изображение в прицеле не станет совершенно ровным. Теперь остается запомнить, на какой делении шкалы лучше всего видно, и до начала стрельбы заранее установить прицел по глазам.

Но нет. Обычное прицельное приспособление на снайперской винтовке оставлено, и, оказывается, оно бывает необходимым.

Во-первых, на сравнительно небольшие дистанции — до 600 метров — из снайперской винтовки можно вести огонь, пользуясь обычным прицелом. Это проще. К тому же ничто не надо снимать или переставлять: а кронштейн, на котором укреплены трубка, для этого специально сделано отверстие, через него стрелок и видит мушкету.

Во-вторых, даже при больших дистанциях обычный прицел часто бывает необходим. Ведь в трубку оптического прицела видна только очень маленькая часть пространства, простирающегося перед стрелком, — всего несколько десятков метров. Попробуйте быстро найти в этом пространстве нужную точку — это не так про-

Что видит стрелок невооруженным глазом, и что увидел бы он при помощи оптического прицела.

Какаясь бы, имея такой пропорциональный оптический прицел, снайпер может обстрелить без обычной прицельной рамки, без мушкету — затем они, синь их совсем с винтовкой!

А, пользуясь обычным прицелом, легко наводить винтовку на то место, где находится цель, и затем уже, глядя в оптический прицел, произвести точную наводку.

Стелла

Двухнедельный военный журнал ЦК ВЛКСМ

№ 12 июнь 1942 года

Год издания XIX, издательство «Правда»

В НОМЕРЕ: Передова — Боец Всевобуа. В. ПЧЛИНЦЕВ — 152 из 154. Евг. СИМОНОВ — Снайперы из Линема. Галина АРСКАЯ — Комсомольское сердце. В. ТАММ — Это был жаркий бой. Н. ДЕНИСОВ — На передовых аэродромах. С. БЕЛОВ — «Центр морской войны». Навя БРАЖНИН — Битва у скалы. А. ПИСЬМЕННЫЙ — «Кочующая батарея» (рассказ). А. АБРАМОВ и Ю. ДОЛГУШИН — Два движителя; Почему вытока называется выточкой; Пуля-волчок. Владислав ЯКУБОВИЧ — Оазис «лодочной пустыни». С. КРУШИНСКИЙ — Лодка (рассказ). В. ЗВЕРЕВ — Боец-словак. На обложке: Боец героем отечественной войны. Рисунок Д. Шмарина. На обороте обложки: Танки идут на фронт. Фотооерк С. Струнникова.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правда», 24, комн. 712. Телефон Д 3-34-24.

XLIII-2071

БОЕЦ ВСЕВОБУА

«Будь терпелив в военных трудах и не унывай при неудаче. Будь прозрачен, осторожен, имея цель определенную, умея преодолевать обстоятельства ловким и смелым образом.»

«Делай на войне то, что противник считает за невозможное. Удивить — победить... Выстрела и внезапности заменяют число, натиски и удары решают битву... Возвот не числом, а умением.»

Так постоянно учил своих солдат Суворов.

Эти слова великого русского полководца особенно нужно помнить сейчас, когда над родиной нависла смертельная опасность, когда в жестоких битвах на ней решается судьба нашего народа, его свобода и независимость.

Эти суворовские заповеди должен помнить каждый боец Всевобуа, заступивший фронт, воин Красной Армии.

Тысячи наших товарищей закончили уже занятия в подразделении Всевобуа первой и второй очереди. Многие из них теперь сражаются на фронте. В горячих боях с немцами захваченными они показывают свое воинское мастерство, свою выучку, которую имела приобретена за время учебы.

Наши товарищи знают родина вскормила их, в суровый час она познала их на ратном поле, она доверила им отличную оружие, она знает их, и она верит им. И они сражаются с врагом, пока вылетит глава и бьется сердце.

Так поступают наши боевые друзья на фронте. Так поступите и вы, сегодняшние бойцы Всевобуа, когда вас позвуют на бой.

У нас много хороших подразделений Всевобуа. Их — большинство. Они дают Красной Армии знающих, умелых воинов.

Примером таких подразделений служат подразделения дзержинского районного военно-учебного пункта Москвы, о которых мы в «Стелле» уже рассказывали. Здесь во время обучения первой и второй очереди доблестно сторожат посещение занятий и отличного знания предмета.

Дзержинцы проводят свои занятия в обстановке, максимально приближенной к той, с которой они встретятся на фронте. В любую погоду они идут в поход, и в дождь, и в снег, выполнят поставленные перед ними тактические задания.

За успешное освоение занятий Народный комиссар обороны награждает знаком «Одличник РККА» целую группу бойцов Всевобуа — дзержинцев: пулеметчика Ларичева, младшего командира-минометчика Ерусалимова, заместителя полгтрупа Чистова, заместителя полгтрупа минометчиков Немезкина, бойцов Туроплева, Коломарева, Корольева.

Молодцы, товарищи дзержинцы! Они показывают хороший пример всем подразделениям Всевобуа.

Как же стыдно должно было быть руководителям комсомола Татарской АССР, где подготовке резервов для Красной Армии до самого последнего времени уделялось совершенно недостаточное внимание!

Вот примеры их плохой работы.

Посещаемость занятий в целом ряде подразделений Всевобуа в центре республики — Казани — не превышает 66%, а в Кировском районе города и Зеленодольске была еще ниже — 30—35%.

Занятия здесь проходили в обстановке, даже и в малой степени ничем не напоминавшей ту, с которой будущим бойцам придется встретиться на фронте. И результаты такой плохой работы, конечно, не замедлили сказаться. Многие будущие бойцы, например, не выполнили боевых стрельб.

Нельзя мириться с таким положением, какое было в Татарской АССР.

Руководителям комсомольских организаций областей, краев и республик должны добиться, чтобы в серьезнейшем деле подго-

товки хороших обученных резервов для Красной Армии не было бы тех больших недостатков, какие имеются в целом ряде мест сейчас.

Какие же эти главные недостатки? Отсутствие дисциплины военной дисциплины; плохая организация занятий, а как следствие этого и неудовлетворительное усвоение военных знаний; наконец, малодисциплина, а нередко и просто отсутствие настоящей политической работы.

Надо ли говорить, что эти главные недостатки, как и некоторые другие, должны быть сейчас же, немедленно устранены? Надо ли говорить, что они не имеют права повториться в будущем?

Это ясно и без того. Не комсомолов тут, кто мирится, кто скрывается с этими недостатками в такое суровое время.

Молодые бойцы Всевобуа и комсомольские руководители должны добиться такого положения, чтобы в каждом подразделении была образована воинская дисциплина. Чтобы занятия посещались всеми, без исключения, бойцами. Чтобы занятия были опоздания. Чтобы точно и в срок выполнялось любое приказание командиров и начальников. Чтобы каждое подразделение являлось образцом организованности, боевой спаянности и понимания поставленных перед ним задач.

Каждый комсомолец — боец Всевобуа, — отвечая всем этим элементарным требованиям, должен быть примером для всех остальных молодых бойцов — примером, которому хотелось бы следовать, которому хотелось бы подражать.

Молодые бойцы Всевобуа обязаны отлично знать каждый предмет, который они изучают, и в целом — свою специальность, свое оружие. Нужно поэтому организовать занятия так, чтобы они проходили в обстановке, очень схожей на ту, с которой боец встретится на фронте. Нужно изучать уселовность и темпальность в обучении. Нужно изучать занятия в поле, при полном снаряжении, в процессе многокилометровых маршей. Нужно, чтобы занятия на воздухе и тренировочные походы проходили при любой погоде, а после этого проходились бы разборы состоявшихся занятий. Нужно, наконец, чтобы каждый боец чувствовал для себя личное несомненное дело, то, чему его учат сегодня, чтобы потом, когда он окажется на фронте, как говорит М. И. Калинин, он сказал: «...спасибо... как хорошо, что меня приучили к этому раньше...»

Каждый наш будущий молодой боец должен хорошо понимать смысл происходящих событий. Он должен воспитываться бойцовско-политичским, а не автоматом, каким является немецкий солдат.

Будущий воин должен знать: на полях сражений решается сейчас судьба его родины, его жизни, всего, что ценою таких непомерных усилий мы добились за годы советской власти. Поэтому каждый боец Всевобуа страстно ненавидит немцев и врагов в бой с ними.

Каждый боец Всевобуа должен воспитываться отважным человеком, чтобы потом, на поле битвы, не оказаться трусом. Он должен быть сержантом и требовательным к себе, смелым и решительным, мужественным и выносливым воином. Он обязан, наконец, быть бдительным и революционно-осторожным, беспощадным к врагу и ко всяким пособникам врага.

Можно ли добиться всего этого? Можно и нужно!

И если мы этого добьемся, каждый сегодняшний боец Всевобуа завтра, не жалея своей жизни, будет храбро биться с немцами и всякими врагами.

За дело же, товарищи!

Рассказ Героя Советского Союза В. ПЧЕЛИНЦЕВА

ПЕРВОЕ ПОРАЖЕНИЕ

Наша семья жила на одной из тихих улиц города Тамбова. Отец мой, военнослужащий, дома бывал редко. Если у него выдался свободный вечер, то для меня это был настоящий праздник. Отец много и интересно рассказывал об империалистической и гражданской войнах.

Может быть, эти рассказы отца пробудили во мне интерес к военной стрельбе, а возможно, — другие обстоятельства. Я считал главным событием и делом раннего детства. Но одно бесспорно: отец хотел, чтобы я был хорошим, советским стрелком.

Во дворе и утренняя засада и отгула порадал из самодельной пружины дробящуюся цель. Стрелял я в собак, кошек и домашнюю птицу. Но владельцы кур, собак, кошек меньше всего интересовались юным близким дробью дробинкам. Они требовали от родителей, чтобы меня строго наказали. Мать бранила меня, а отец улыбался и: «возмалая убийца».

Мне исполнилось десять лет. Жили мы тогда с отцом в военном лагере. Здесь мне впервые дали в руки мажоранберную винтовку. Как я был счастлив! В тот день я и с ним другом не гулял. Отец был не менее доволен, чем я, а мать сердилась.

— Вот вылезли! — ворчала она. — То пращей школил, а теперь винтовкой мажет. Да разве ребенку можно давать ружье?! Он людей перестреляет!

Но мать ошиблась. За всю свою жизнь я не застрелял ни одного человека. Фашисты, конечно, не в счет: ведь они не люди.

Хорошо научиться стрелять в ружье оказалось, однако, не так просто. Восьмью выстрелами выстулял я по мишеням. А на ней вы шаркали, а вы шумели и ругались.

Отец, выслушав печальный рассказ о моих злоключениях, и начал учить.

— Володя, ты помини, когда впервые взял винтовку из военного кобеля снайпером? Я тебя не разочорюю! Я знаю его хорошего дня. Теперь ты сам убьешь его. Это стает стрелком да еще хорорим — дело сложное. Но ты не отчаивайся. Метко стрелять люди начинают не сразу, а постепенно. Тебе надо как можно чаще упражняться.

И вот я начал учиться метко стрелять.

ТРЕНИРОВКА СТРЕЛКА

Прежде всего меня приучали не бояться звука выстрела, не торопиться и всесторонне развивать глазомер.

Но сказать так — значит признать, что я боялся звука выстрела. Нет, я не боялся в этой боязни, как ни замечает ее большинство новичков. Однако именно она чаще всего мешает стрелкам поражать цель. Кажется, уж прицелившись совершенно точно, а пули все-таки летит в сторону. Происходит это потому, что новичок, ожидая выстрела, на одно мгновение зажимает глаза — и мигнет, понятно, сразу сбивается, пуля ложится не в цель.

Такие стрелков издавать могут только те, кто «моргнет» открывает глаза. Он убеждает, что отлично прицелился, и не понимает, почему же пуля ушла в сторону, — как говорит, «за окошком».

Если стрелок-новичок перестает бояться звука выстрела, он легко преодолевает и другое, не менее вредную привычку. Обычно новички моргают, спешат закрыть глаза, и, вместо того чтобы ладно называть на крючок, как это делают опытные стрелки, они выжидают порывистого, дергают его. Пули опять-таки летят не туда, куда целовался стрелок. Таких людей называют дергунями.

Опунить «дергунца» от его привычки можно только доказав ему, что он бьет звук выстрела.

Однако, если вы даже научитесь правильно целиться, не будете при выстреле ни моргать, ни дергать винтовку, все это еще вовсе не значит, что вы хороший стрелок. Чтобы стать им, надо непременно выработать себе умение

В. Пчелинцев.

верно определять расстояние на глаз. Винтовка ведь может стрелять на разное расстояние, и если вы определите расстояние до цели неправильно, вы, особенно когда цель находится далеко, и не по попадете. Развить наш глазомер вряд ли смогут инструктор и учитель: все зависит от самого стрелка.

Помню, по совету отца я тренировался в определении расстояния наглаз буквально каждую свободную минуту. Иду по улице — на каждом углу обязательно останавливаюсь и определяю наглаз, сколько шагов до ближайшего фонарного столба, до kiosка, до финишной черты, до следующего угла. Потом провешиваю себя: измерю все эти расстояния шагами. Вскоре я стал замечать, что ошибки становились все меньше и меньше значительными.

Я был терпелив, и в конце концов у меня развился тонкий глазомер, такой, какой необходим меткому стрелку.

...Делать лет аршоно с того дня, как я занялся первенство на городских стрелковых соревнованиях. С тех пор мною поставлено мною рекордов меткости precisely полсотню. Каждый из них был результатом настоящей тренировки. Ежедневно я бывал в тире для на стрелком полотно. Стрелял в различные мишени. Отдельная, если так можно выразиться, деталь стили стрельбы, предумышленно сам для себя все новые и новые тонкости для тренировки цели.

24 апреля 1937 года, в день советского стрелка, я вышел на полотно уже капитаном организаторной много школьной стрелковой команды. Мы заняли одно из первых мест, но не первое. Почему? Мне было очень обидно. Я считал оправдаться плохой стрельбой отдельных товарищей. Но все это было, конечно, неверно. Просто, команда, обогнавшая нас, была лучше тренирована. И я понял, что нужно работать еще более упорно.

ОТ ТАКОЙ СНАЙПЕР

Одним из друзей, дилку, я попутно в Ленинградский горный институт. Там же записался в снайперскую школу Осамва. В мою зиму, 1938—1939 года я усиленно занимался в школе, а лето провез в лагерях.

Снайперская школа сыграла большую роль в моей жизни. Здесь я стал не только советским, стрелком-спортсменом, а также рекорд — главный показатель успеха, а

снайперского обоя. Я полюбил свое оружие, постиг мастерство выбора огневых позиций, маскировки, приобрел необходимые снайперу физические качества.

Кто же такой снайпер? Это человек, умеющий поражать цель, как бы мал она ни была, и порадовать одной гдлей, с первого же выстрела. Руки снайпера должны самостоятельно, быстро, автоматическим выполнять все необходимые для выстрела. По прицелу или прицельному прицелу, какой-либо оставший прицел в плечо и в это же время входит то единственное, редчайшее, мгновение, когда надо ладно нажать на спусковой крючок, чтобы безошибочно поразить цель.

Этому меня научила школа. Здесь я начал оценивать себя не как спортсмена-рекордиста, а как бойца. Уже в школе мы получали стрелку не в общем, благоустроенном тире, а на ползнице, а сами находили хорошо скрытые и удобные позиции. Мы знали: снайпер должен уметь быть невидимым, должен уметь отлично маскироваться, и мы надевались специальные маскировочные костюмы, окрашенные в зеленые и черные пятна — под цвет листьев, летом голову прикрывали пучками травы, а в зимнем виде выставляли ветки. Зимой мы одевались в белые халаты, сливающиеся с цветом снега.

Обычному стрелку, когда шелит он из простого винтовки в далекую мишень, последняя кажется очень малюшкой. Как ли шуровит она, а мишень все время то появляется в поле зрения, то исчезает. Неудачно такой стрелок часто думает про себя: «Если бы мишень была очень большой! Тогда бы мои выстрелы наверняка попали».

Иное дело — снайпер. У него на винтовке есть специальный оптический прицел. Он и прицеливает и увеличивает цель. Но когда пользуются оптическим прицелом, тогда его можно изучать. И здесь большое значение имеет правильная установка правого глаза по отношению к оси прицела. Малейшее изменение взгляда вверх или вниз, малейшее изменение взгляда, часто даже нежелательное для стрельбы, влекут ошибки. Лучшее средство тренировки — ежедневно упражняться на прицельном стане.

Снайпер бьет только по важным целям, потому что с каждым годом выстрелом для него возрастает опасность быть обнаруженным. Вот блестящий погоня офицера. Снайпер берет его на мушкет и отряд противника остался без командира. Но противник на мотопехотной железной оживет. Страна выстрел — и важное доверие остается недополученным. И так это да в день...

Никогда не наступил день выстрелов снайперских стрельбищ. Как только пуща вылетела пастурна, орая — и мишень гадли в молочной мгле. Каждой снайперской паре выдалы по двенадцать патронов. Никто надо было обидеть да пулевать «само». Обнаруживаясь, поразить цели мы должны были в тридцать пять секунд. Это было нелегко. Тем не менее мы привились за дело.

В двадцать семь секунд мы поразили все цели и выполнили задание на отлично. А через месяц я получил звание снайпера СССР.

ВОЙНА

Мы сидели в комнате студенческого общежития. Пять товарищей: Юрий Кайков, Дмитрий Кунаков, Юрий Хурьянов, Анатолий Крайнев и я. Сидели и мечтали о будущем. Мы закончили третий курс Горного института. Настало время каждому из нас думать на свое дело, на что он способен. Запрта нас заключают в разведывательные геологические партии.

Каждому из нас, конечно, хотелось сделать что-нибудь большое, заслужить «большую награду» на карте природных богатств страны. В свою очередь, которая вынашивалась годами, мы вкладывали значительно больше, чем просто тщательное жидение личного успеха. За короткими шапкой страны бегущая поперек вто-

рой маровой войны. Что будет завтра? Не подсчет ли враг на нашу разлуку?

К разлукам советским им мечтал подлить новые боюшки наших Вепр, чтобы обрывать их на врага. Новые горы металла, пемента, угля, нефти мы хотели открыть нашей стране. Мы крепко жали друг другу руки в железных перчатках...

Мои разведывательная партия задержалась. Она собралась в путь только через месяц, и я решил это время пожить у родителей, в небольшом городке Тауроген, на самой границе с Германией.

Ночью поезд медленно отходил от лесистого, ского вокзала. Мелькнули дома окрест, морские дачи. И вот уже не разлиты отдельные строения: море теребящего огня. Я мысленно углублял темной завесой Сенатской площади и на выжженном камне Мидского величия. Густое марево дыма шумело, не затихающего ни днем, ни ночью порта. Узорчатые мосты, широкие проспекты, монументальные набережные. Подлет северная столица накрылась морными, радостными огнями.

21 июня, днём, я был в Риге, а в восемь часов вечера приехал в Тауроген. С вокзала пошел пешком. Разыскал нужную улочку в мажорской дессе в тенистом саду. Я был лодкой Овец: возвращаться только в час ночи. Встреча была радостной. Мы долго говорили с ним о моем будущем. Оно широко открывалось передо мной. Потом отшел в мать, затаил слезы, а я присел к радиоприемнику. Я слушал сообщения о разрушенных городах, и перед моим взором вставала в огне и дыму Европа. А в нашем домике, в городке, в моей стране палили враг и покой. Я лег с радостной мечтой о завтрашнем дне...

Снова сон и усталый гул и громовые раскаты. В окно был виден пожар.

— Владимир! — окликнул меня отец. — Это немцы. Я ухожу. Побойтесь о матери и ребятах.

Он крепко жонкал мою руку и ушел. Ушел на войну...

А я? Могу ли я оставаться второпе? Не помню, до какой стнции я довел мать и детей, пересадил их на поезд, отправляющийся в глубь страны, а сам поспешил в Лявигген.

Он встретил меня упрямом. Ни одного окопца. В первой войне не развилать, треб вывозили заводы, двигатели, инструменты, дорожки веранды мест. Люди горюла бегут строения, игоповенным уверенности и реалистичности. Много

военных. На перекрестке улиц милиционер без бояды перекресток, но в башке.

Четверо друга дождались меня в общежитии. Когда улеглось освещение, вызванное встречей, Юрий Канков сказал:

— Экспедиция ринули, а вместе с ними и наши члены. Их разбомбили фашистские стержни, возгоравшиеся в тиньку нашей кухни.

Рядина годилась к волжским битвам. И наше место было на полях сражений. Тут же мы направили звание в районкомсомла: «Прости дождаться нас добровольцами в ряды Красной Армии».

Все пятеро поставили свои подписи.

МОЙ ЛИЦЕВОЙ СЧЕТ

Наде атаковали в истребительный батальон, командиром которого был капитан Терехов. Меня назначили командиром взвода, Юрия Канкова — заместителем, Митю Кулакова — командиром отделения, Юрия Херувольца и Анатолия Кремлева — рядовыми.

Друзья пробовали со мной поделого: ах пережил в дивизию, отправляющийся на фронт. Как я или заводской? Теперь могу сознаться: и в дни войны и мечтал о танках, самолетах и копил на авиацию в боевую сумму винтовки. Крутом столько говорили о грандиозности немецкого вооружения врага, что винтовка казалась мне перчатком стрелка.

Немцы были у стен нашего города. Обессылаемые, изумленные, они кротами зарывались в окопы. Мы выкручивали их из окопов и уничтожали. Вот тогда я снова уверовал в боевую мощь нашей русской винтовки, в силу овионых выстрелов, методически, изо дня в день выходящих из строя вражеских офицеров, артиллеристов и инженерных расчетов, фашистские самолеты.

Я помню день, когда открыл свой личный счет истребления врага. Это было 8 сентября. Тринадцатый облизок (разведывательного отряда) занял передний окоп у самой реки. На противоположном берегу немцы. Вечерело. Солнце у самого горизонта. Топо и белозубо крутом. Вдруг выку: идут лае. Немцы. Во весь рост вытянулись, точно не зоря, а козвала. Каждый в руках из волжского десанта. Выступали во всю мощь. Чему радуется: нашему солдату, ташине шипело жра, пелутили немцы шпид? Приходилось я к винтовке. Вспом-

нился почему-то тир, наглая фашистская жожа мшеницы. Я вывал на стусековой ярмоги. Одав немцы плохому: вить бегу, гоня в ялоде. Второй залег, переждал и вольком отто азобрился на берег.

— Уйдем гад! — шепнул мне сосед! — Быстрей спрячься!

Но отстралить было угодно. Немед ушло ладе. Он точно сработал с амлет. Однако только он вылез на гребень крутого берега, как его поймали мои люди. Ну, давай, прикажи есть. Поделуку фрицы за своим друзьями. Им друзья эти не так уж жуковы, да ведь им прокатить до вокзала. Леску я ждал. Все застыло крутом. И вдруг гале-то оловом рядом вспыхивает яркое магнитоное пламя ракет, спорохот пулеметная очередь. Это немцы замечают снайперские и тепловизионные чачот... Ничего, постреляют и перестанут Леску, яду.

Под утро на берегу показались трое в зеленых мулехах. Осторожно ползали они в убежища. Двое пытались свернуться на берег, а третий потонул за выстрелом. Я выстрелил. Один остался лежать на берегу с протянутой рукой. Другие поспешили было уползти. Но им это не удалось. И они скатились в воду.

К полудню приплыли еще двое. И они остались лежать тут же.

Показил мне командир отку и говорит: — Подразвал! Лаза бела — начал! — и тут же протягивает мне снайперскую винтовку. Хорошая оказалась винтовка.

Принес я новую винтовку в блиндаж. Разобрал ее, почитал. Прозвонил доклады. Только заснул, будит.

Встал!.. встал!.. встал! — кричит командир взвода.

Я вскочил, схватил винтовку — я к амбразуру. В предракетной мере раннего осеннего утра смутно виднелся немцы. Видно, сильно прохладнели гитлеровцы, что рисковать вылезать из окопа. Собирались из окопов за каргофом. Кто сказал, кто вырвался, а кто оплеет. Выстрелил я вору вод носа, чтобы скорее вылезавались. Он и ширма заторопился. Бочком, бочком — вылезли оброну. Добрава до окресток, зарылся на нее ногу, да так и повис: пуля точно угодила снай в череп.

В первых числах ноября я отправился лезавым гостем к немцам. Переваливался через реку и облюбовал потайное местечко. С этой удобной позиции гитлеровцы были видны все местность. Двадцать пять офицеров и солдат уложи я там.

Тогда-то я особенно почувствовал пользу своей деятельности. От моих одиночных выстрелов редели вражеские ряды. А я был не одинок: нас, снайперов, было много, и должно быть еще больше. Если сотни снайперов одиночными выстрелами уложат тысячи гитлеровцев, на что будут голны их обязательные танки, минометы и пулеметы? И ведь социалистическое обязательство — к концу января уничтожить его фашистов. На соревнования вызвал тогда уже известного на нашем фронте снайпера Вещенцева.

Вещенцев привел мой вызов в допоздней его обязательности подполковник вива вива снайперов. На нашу переписку откликнулись и другие отдельные стрелки, в частности, настоящий русский богатырь Феодосий Смолячков. Воевавшие руски сражаться этого героя. Но образ его являет в своем боевом балансе — три овета к беспощадной борьбе с врагом...

Снайперское движение распространялось все шире и шире. Десять учеников Смолячкова уже истребили свыше тысячи гитлеровцев.

Рос и мой личный счет. Я выволил свое обязательство: уложил сто два фрица. Но был один извиль в моем боевом балансе — три непопадания. Три широко неразостованных выстрела. Надо было выпростать счет...

Это было зимой. Немцы зарылись глубоко в землю. Сутками приходилось подкарауливать зверка. Скоро мне вывала удача. Обладая и со своим учеником отпарывал из окопов рубрик. Залегли в снег и ждем. Долго пришлось нам лежать. И вдруг выку: из дальнего нубы выбегают фрицы и митов к соседнему дому. Я его уложил.

Тверда река, ерер глаз снайпера Людими Памиченко. Без промаха беге гиллеровских бандитов зга отожали партиями, мастерами владения винтовкой. Триста фашистов навек привелила к крышью земле комсомола Людими Памиченко, участника героической обороны Севастополя.

— Иаговасов! — советую учиться. — Фитцы, ае дождались друга, вылазят из норы посмотреть, в чем дело.

Действительно, часа через полтора появляются двое. Идут и наткнулись на тропу. Наткнулись. Ученик мой хотя бы уже стрелял, да и его оставался сорер новой впади.

Одна я немо ухватил тропу за попу, другой — за голову и поволозил к себе. Когда они повернулись к нам спиной, я выстрелил. Пуля отлично прошила сквозь два фанитеских черева. Мой балаяк сразу ушел в землю. Один напавший выстрел был погашен. За моего моего пребывания на фронте я сделал 154 выстрела и сврал 152 гитараторцев. Два напавших выстрела еще продолжают висеть на моем счету.

БУДУЩИМ СНАЙПЕРАМ

Снайперская сила множилась потому, что движение илея непрерывно разрасталась. Мы обучали сотни новых сверхметких стрелков. Комсомолец Симачук истребил 174 фанита и обучил 24 снайпера, Комсомолец Юленко истребил 163 фанита, Владовичко — 170, Витурков — 193. Всех не перечесть. К 1 Мая мы, комсомольцы, проводили часть нашей работы. Оказалось, что только 1152 комсомоля-снайпера нашего фронта истребили 10 500 фанитов.

Из пулеметным огнем, из артиллерийскими шарами на запертых впадинах одиночных выстрелов выстрели!

В нашей армии создавались новые подразделения, в которых все бойцы имеют личные истребительные снага. Опровергнуто старое утверждение, будто снайперы могут быть только избранными, одаренными природой людьми. Это неверно! На войне я сам убавился, что каждый боец может быть сверхметким стрелком, если он только этого по-настоящему захочет.

***

Боец должен быть подготовлен ко всяким неожиданностям, которые могут встретиться ему на поле сражения. Стрельба лежача — самая удобная поза. Но разве фронтные условия позволяют всегда пользоваться только такой удобной позой?

Поэтому в советную нун, мои будущие фронтные товарищи, приучайте себя к неудобным. Это хорошая тренировка. Она облегчит вам выполнение самых сложных заданий на передовых позициях.

Умеете ли вы лазить по деревьям? Если да, то знайте: для снайпера этого еще мало. Снайпер должен уметь скрестись со стволом и ветвями дерева так, чтобы свободно плавничать своей кору и действовать обоими руками в момент прицелия. Это мастерство также воспитывается в длительной тренировке.

В бою обстановку очень часто требует от снайпера откровенного приема стрельбы «сверху». Для прицеливания почти не остается времени: всего одна — две секунды! А ведь известно, что быстро помять цель на мушку, пользоваться оптическим прицелом, трудно. Но этого требует бойца. Если ты не успеешь взять врага на мушку, он возьмет тебя. Это я неустанно повторяю своим ученикам. Это я советую помнить и вам, будущие снайперы.

Чтобы быть снайпером, надо уметь хорошо ориентироваться. Снайпер должен чутко слышать каждый шум и видеть даже самую тонкую дырку в его одежде. Вот посланная пага — надо точно же рассчитать, в каком направлении и в каком расстоянии движется враг. Что-то звенит? Снайпер знает: это звенит паго приближающийся солдат. Звучит рыжий рыжий свисток: свист его на дивчел Кайдык фронт, пришедший на вашу землю, должен быть истреблен.

Я рассказывал о своем коротком боевом пути. Рассказ окончен. Но еще далеко не окончен мой путь. Я продолжу свой солдатский счет. Но самую большую надежду возлагаю и на своих учеников. Многие из них станут отличными снайперами. И их победы будут моими победами.

СНАЙПЕРЫ ИЗ ЛИНГЕМА

Евг. СИМОНОВ

Рисунки В. Иванова

Утренняя заря пробудила окопы английских стрелков. Из офицерского бивалака, согнувшись, вышел сухощавый, жалостный человек в непромокаемом плаще.

— Новое начальство? — спрашивали друг друга новички.

— Неужто вы не знаете его? — удивились старые окопные жители. — Это же майор Хаксет-Притчард. Гром джунглей, Великий слеподит и развратит. Король африканских охотников на круных хищников. Он, дружок, пробывал на своем веку добольше львов и носорогов, чем ты блох... Типе, он илет к нам... Заданни чешты, сэр!

— Здрасьте, Гитинг. Помню я не вилт сречи вас с солдата Вильсона?

— Убит, Немешка пуля, сэр!

— Какая жалость! Такой храбрый малый. А поручик Уайт?

— Ранен в висок вчера вечером.

— А мой земляк Харрис?

— Дескрит на передовом посту, сэр... Вои там... Но что-то приключилось недоброе... О, боже!

Прошло несколько минут, и санитары пронесли по узкому ходу сообщениа накрытый шинелью труп того, кого при жизни звали Харрисом. Хаксет-Притчард вздрогнул и кинулся и проводил взглядом трупа.

— Разрешите доложить, сэр, что эти проклятые бахары день за днем выживают у нас всех офицеров и наблюдателей, — сказал Аггине, отослав в сторону молодых солдат. — Нельзя в думать о том, чтобы помять голову на дойи над бруствером. В сильной подполье даже к боинше: того и галды, заработаешь пулю в глаз.

Хаксет-Притчард обогел окопы. Да, впоследствии он слышал одно и то же: изныи бьют всех офицеров поара. Бойска глубоко зарылись в землю, многие солдаты еще не видели во вестрост на одного немца. За два месяца они ни разу не скрестили штыки с неприятелем. И тем не менее Гвиншпринский плаж уже потерял дундих элиты командиров. «Какое-то непоколение!» — говорили потихоньку суверенные немчанцы. — Неужели у этих бахаров заколдованные выстрелы? Можно подумать, что чья-то невидимая рука направляет их на самые чувствительные машины.

Возвещ Хаксет-Притчард вернулся в бивалак уставый, измученный галней, промокший до костей.

— Халло, майор! — весело приветствовал его молодой офицер. — Чем мы обязаны вашему визиту? Не собираетесь ли разделиться охоткой? Но ведь здесь нет ни дичих оленей, ни пантер.

— Тем лучше. Будем охотиться на другого хищника. Это еще более опасный зверь, который к тому же сам огнестрельная от охотника.

— И пока что не охотник стреляет в зверя, а наоборот, — посылалась чей-то голос из темного угла. — Небывалый случай в истории охоты, не правда ли, майор?

— Увы, это так, дорогой Аггир.

— Так где же зарыта собака? В чем секрет фантастической меткости этих германских стрелков?

— Это я вам скажу через несколько дней. Не было еще секрета, который нельзя было разгадать.

— В особенности такому следопыту, как майор Хаксет-Притчард.

— Ну, ваши комментарии прибегаете для гостинки.

На следующий день Хаксет-Притчард снова начал свое исследование вдоль передних линий окопов. Сухощавую фигуру майора видели на наблюдательных постах. Он влезал и вылезал из снарилов и часами разглядывал германские окопы через свой телескоп. Он расспрашивал офицеров и солдат, развешивая в бивалак. Ночью он так и не пришел в наблюдатель и только утром, подтянув горничий коф, неожиданно спросил молодых офицеров:

— Как вы думаете, мальчижи: вот сейчас, в дни полноты галпей на фронте, сколько людей выживают у нас эти проклятые германские стрелки? Ну, скажите, за месяц?

— Сотню — другую... Роту... Нет, пожалуй, даже батальон, — ответило несколько голосов.

— Если бы так. Я принял шифры потерь. Вы ужаснетесь. Без одного сражения, без боя вы потеряли за месяц целую дивизию. И все это из-за этих проклятых германских стрелков. Знаете ли вы, что на риманском фронте русские солдаты прозвали один участок «краской долиной». Германские стрелки из двеста восьмой дивизии, как по выбору, перестреляют там в бой всех офицеров и пулеметчиков. У нас лучшие люди боится теперь окопы, которые стали догнанными для германского пуща. Дух войск падает. Солдаты приуныли.

— Так надо, что бы то ни стало разгадать эту загадочную галей, майор.

— Для того во, джентльмены, здесь и находится Хаксет-Притчард. И мы мне должны помочь. Я уже объяснил солдатам, что в германской меткости нет никакого колдовства. Вы тоже прекрасно понимаете, что на доктор

Фает, ни его друг Мефистофель не свдлет с вынтоквми в окопах бварии. Просто мы напорились на отличных стрелков, а вы даже назвали их сверхотличными. Они прошли какой-то особый тренинг, весьма вероятно, что они даже сами спускали порохом. Вот, о чем пишу вас. Сегодня ночью будет большая вылазка по ту сторону. Пожалуйста, но что бы ни стало собрать побольше вынтоков германских стрелков. Немало приложить к ним и своих дохляк, коловно в ялов вид. Обсудить с солдатами самые штерные призы за каждый трофей, за каждого пленника.

Ночь застала неутомного майора в увеличенном здании деревенского кабака, позади окопов. В дверь постучали. Майор подхитрил фетиль, динешелся ланты «Бойлинг». Часовой солдата уперта-бвария с железным крестом на груди. Начался допрос. Сначала упер молчал, отговаривался незнанием, но майор вытягивал из него слово за словом и как ошаривший охотник, по сле заметкам словам, все ближе подвигался к цели. Он пролез в кабачке ночь в день, еще ночь и еще день. К нему приводили новых пленных, выкладывая на столку перед бубетом вынтово с ками-то металлическими кружочками на сполках; при-важало замочекное поз дожом документи, за-качленные в германском офицерском будлаже. На третий сутки майор в последний раз допросил уперта с железным крестом:

— А ты сам тоже охотник?

— Да, господин офицер. Егерь императорской охоты из Гобертосского леса. Охотился на красную дичь, на лабана, оленя, фазана.

— А теперь охотился на моих земляков?

— Я только выполнял приказ. Вель я...

— Довольно! Мне уже все ясно. Последний вопрос: как вы, германские стрелки, за шестюсто—семьсот шагов были на выборных офицерах? Вот что непонятно. Ведь на передовой линия офицеры несли солдатские куртки, а солдатыские голенища офицеров.

— Вы забыли про брнджи, господин майор. Мы знали ваших офицеров «платить юнок». У солдат широкие шаровары, на офицерах узкие брнджи.

Вечером майор джаст автоматиче-скую рутку и начал составлять отчет. Секрет немцев перешел за секретом. Все ясно! На вынтово германского стрелка предели телескопический прицел—можно быть по цели с семю, даже за восьмюсто шагов вместо обычных чериерств. Стрелок, снабженный таким прибором, видит дальше и лучше. Газими вынтовыми вооружены все лучшие стрелки: бывшие охотники, лесники, егери.

Искусству меткой стрельбы их стали обучать задолго до войны. Для германской армии было привычно раздавать тысяч вынтово с телескопическим прицелом.

— Да, ребята, мы имеем дело с врагом, который готовится к войне в два раза лучше, чем мы. Мы не подобрали, стрдиги своих олов и лонилы форелей,—говорил Хескет-Притчард своим внимательным слушателям.

Это были канальские и потландские стрелки. Они сели вместе с майором в приморскую деревушку Лингем. Здесь союзное командование открыло первую школу сверхметких стрелков.

Вечером, когда с моря напалла кололый, проваливающийся по коесты туман, докоре уютно потрескиваеюкю кмиша собралась первая учебная майора. Здесь был сын прославившего писателя молодой Копп-Добль, считавшийся лучшим бойцом наблюдателем армии. Здесь был молчаливый житель канальских лесов Гери Грей, обветренный, загораемый, ветеропыльивый. Здесь был Макс-Гарди из полка байндера с потландских стрелков, чьи бочоки, голые колени и клетчатые вельзы вызывали восторг всех оверетных ребятства.

— Если мы решили выйти победителями в дуэли стрелков Германия и Великобритания,—сказал майор, взвешивая каждое свое слово,—вам придется стрелять не только очень метко, но и очень быстро. Стрелять раньше, чем успеет об этом подумать противник. Стрелять так, как охотники на бекасов. Вы знаете эту маленькую птичку, которая мгновенно взмывает с земли и все время кружится в воздухе.

— Так от английского слова «снайп»—бекас—полно имя снайпера—сверхметкого и сверхбыстрого стрелка.

— И должны обучить вас всего-навсего трем вещам,—продолжал майор,—умею найти цель, умею определить ее, умею попасть в нее. Показуй, это—вот, что от вас потребуется.

Море было спокойным. Над верховьями холми Лингема часто отылились туманы. Солдаты ворчали:

— Нечего сказать, выбрал местечко наш майор! Водах, как жидкое молоко. Изволь тут отыскать цель!

С каждым днем эти точки ухитились все дальше от стрелков, становились все меньше, не ожидалось появлялись на синтаные секунды, чтобы так же внезапно исчезнуть, а потом вдруг вынырнуть совсем в другом месте. Да, это было совсем не похоже на пир с неподвижными бейми мишенями.

— Глаза снайпера должны думать,—выулила солдатам тренер,—не гоняйте, а гоняйте: зорко, присядьте, со толком.

Майор как будто случайно приводил слушателей во время прогулки на холм, где они были еще вчера, и спрашивал:

— Что выноз здесь?

— Ничего, господин майор,— бодро рапортовал какой-нибудь шустрый юнокчик, быстро окинув местность ордным взором.

— А по-моему, Грей?

Тот негорячливо отгадывал, серые зоркие глаза канальца точно прощупывали каждый кустик, каждую кучку песка. Он осматривал местность слева направо, потом — справа налево.

— Ничего особенного, сэр, елла не считаю, то что акания были вчера метром на пять леее. Ну, пожалуй, еще к той име проплатили свежий слод.

Потом майор уводил своих питомцев за добрую вычку платок от учебного окопа. Над окопом появлялись на 10—15 секунд самые разнообразные предметы: дуда вынтово, солдатские кофты, лопаты или кирка. И наблюдатель должен был все заметить, запомнить, занести в свой рапорт дос давать брестов в том порядке, как они появлялись над бруствером.

Прошло несколько недель, а люди переставали местность глазами, как ушей—стражи знакомой кити. Новые снайперы умели не только метко стрелять: они могли рассмотреть врага, остаться сами незамеченными.

— Слава о школе в Лингеме разнеслась по всем полкам. И настал день, когда майор подал руку каждому из своих питомцев. С задорной лесенкой о ртомом городе Тиренера снова уходили на фронт докые потландцы, загораемые канадцы, быстрые ирландцы.

Они пришли в передовые окопы. Но окопные сентики одались не сразу: «Эти фокусы майора хороши для воскресной школы. А здесь, на передовых, придется забыть все эти хорошие штуки. Тут не до забав!»

Первые снайперы одали в офицеры—мечли с того, что раскритиковали заводра. На английской стороне гордятся тем, что воздвигают над окопами гладые, идеально ровные брустверы. Нашли чем хвастаться! Мысль, и та заметна за так! Брустверы же неравномерно, на киданы канье-то трубы, шнпки, голбы земли—все это беспорядочно, летро. Смотришь—и тебе ослепляет, сразу и не разберешься в чем дело. И снайперы ночью навели такой же беспорядок на свою окопную стену, выломали велько нафта бойники среди груды камней и обломков.

Еще на пути к передовым позициям, когда снайперы проезжали городок Америк, майор неожиданно остановил машину у фабрики учебных пособий. Мысль ушла отсюда извлекательной докоре: солдатский оклем головами, искусно изготовленные из лопы-маше. Особенно понравились все голоом смуглых германских и синков—уроженцев ирландских провинций.

«Взав в окопах понаблюдать такая бутурафоя?—удивился трайшевый докорец.—Если ни так уж хочется, чтобы немец встретил лично мою оболду, достаточно поднять как бруствером каску!»

Но снайперы только поменялись и не говорили ни слова о своей лете. Дин через три полковой врага Беккер, прохода по окопам, с удавленником услышал взрва хохота, раздавшийся после нескольких выстрелов с немецкой стороны.

— Америк,—остатки они проговаривали серпантин,— почему такое веселье?

— Бобу Томкинсу прострелили выветел голову. Он требует теперь у кангемаруса новую. Ребята прямо поварожу со смеху.

— Не вижу тут ничего смешного,—результативно сказал врач и подхватил санитарную сумку, углубился в ход сообщения.

Первым, кого он увидел на наблюдательном пункте, был Боб, как всегда веселый и оживительный.

— А мне было сказано, что вам прострелили голову, радый Томкинс,—отдуваясь, сказал врач.

— Так точно, доктор. Только раскурив я трубку, как немецкая пуля угодила прямоехонко в мою голову. Бон она лежит под шитом.

И солдаты обьявляли измолвающею доктору, как шутнику Бобу прострелили голову без всякого вреда для ее хозяина; теперь стало ясно, что это за штука—снайперокоп.

Над бруствером показался краешек каски, а между прикрытиями мелькнуло лицо английского стрелка, мирно попинывавшего трубку.

Надо было установить, точное положение норы дикого и неуловимого германского снайпера. И вот сегодня, когда немцы, как всегда, настроены приближаться к выгнанным окопам, над его бруствером показались крышечки наката, а между прикрытыми мелью-наши английской стрелка, мирно поминавшего трубку. Раздался, как всегда, меткий выстрел германского снайпера—и в английском окопе осторожно опустился простреленный голубой. Это была всего-навсего болванка с амьенской фабрики. Боб Гарди встал из головы резановую кувшину, через которую выдувал дым. Затем нагнув же голову высунулся метрах а тридцати правее первой. Когда ее тоже пробил, офицер взял лешкую, сделал засечки по направлению пулевых пробоя и быстро рассчитал где же прячется германский снайпер.

— Ага! Он лежит вот за тем трупом. Понятно? Видиме, этот труп—только бутфорки! А-а, шестая батарея! Быстро открывайте огонь по точкам пересечения Н. 16—С.45.5. Живо!

И германский снайпер умах навсегда. Его побили снайперскою—не хитрым, но остроумным прибором.

Так началась грозная дуэль английских и германских снайперов. Войска, как коты, закатывались в землю. Линия окопов перекосилась все Европу—от свинных холм Немецкого моря до лазурной Адриатики. На карту Европы люди надели новый, неважливый мерзляк из сотен километров колючей проволоки. Солдаты обеих воюющих сторон почти не видели друг друга. Только пули и снарядам огненным

днем оршали бесплодную землю. Но на этом театре военных действий появился свой солист. Это был с н а й п е р.

Ловко замаскированный, зарывшийся в землю, он заменил роту обыкновенных, взурлящих стрелков. Ведь снайпер не был куда приятнее: его мишенью были офицерские кокарды и отменные точки. Выбрав офицеров, снайпер обоглаживал эти боевые порадки врага.

Начавшу пулетное гвалло, он старался разбить броневой пулей кошку пулемета; это было, пожалуй, оптимисте, чем уничтожение пулеметчиков.

Снайпер не только хорошо видел: он кроме того прекрасно разбирался в том, что воспринимал его глаза. Ложась перед рассветом в свое гнездо, где-нибудь впереди окопа, поближе к неприкрытой, и поджидая утреннего света, снайпер зорко оглаживал кругом: «Эге! Враг не было этой дощатой туши, а пил окопа того холма торчала метров на двадцать левее. Теперь ясно, что дощатой тушей они укрывали своего снайпера. Но для чего же отодвинули пил? Скорее всего для того, чтобы прикрыть место от выстрелов.»

Стрелка-дамкинорим слагались «единицы глазами». Снайпер этого полка видел, что делается за три километра от него. Вернувшись с поста, наблюдатель Грей оглаживал деловал, что влезла на постах немца: цифру «79». «Это ему померещилось»,—сказал в штабе,—ведь, по последним сведениям, 79-й полк расположен на русском фронте. Через два дня немцы, пользуясь туманом, выследили дозор к английским окопам. Часовые подпустили разведчиков и открыли огонь. На чехле казачьего убитого немца стояла цифра «79».

На одном из участков германцы вели перископы очень большого размера. Английские снайперы открыли восточную охоту за перископами, расстреливая их из снайперских винтовок. Но однажды зоркий глаз Мак-Гарди сделал исключение: открытые. Через немца, который перископ он ухватил цифры на погонах немца. Это было совсем здорово! Светило яркое весеннее солнце, и погоны офицера, прильнувшего к перископу, отражались в зеркале перископа. Теперь английские точно знали, когда в окопах сменялись полки, когда к перископу подходили высокие штабные офицеры. Все это выбалтывало верхнее зеркало перископа, торчавшее над окопом.

Тихим, солнечным утром, отрывая лепестки сорванной ромашки, Джонсон слушал показавший Мак-Гарди, который наблюдал за немцами в подзорную трубу:

— На дворе водокачка, влево на два фута от красного мешка, вижу кошку.

— Вижу, беру на прицел.

— Не стреляй!

— Да ведь кошка немецкая!

— Ну и что же? Великолепная кошка. Лезжит, греется на солнце, мурлыкает... Я полагаю, это тигровая кошка. Совсем, как у меня дома...

— Записать ее в журнал?

— Зачем, дружище?

— Ну хотя бы для того, чтобы было видно, что мы с тобой не свали.

— Ну, ниша.

— Время—одиннадцать часов двадцать минут. Место—К.-22, квартал—С и Д. Заменяю серая кошка. Что предприятно? Ничего!

В узком ходу сообщения посылались шарики, и снайперы услышали голос Аттиуса:

— Кто на посту?

— Джонсон и Мак-Гарди.

— Закройте бошшу, я сейчас войду к вам. Что нового? Олять кошка?! Смотрите по жур-

наду: ее видят из этом месте четыре дня подряд. Говорите, спишь? Знаят, сыта. Вот что, ребята, в солдатском окопе кошке делать нечего. Ее заводят там, где кого-то одоляют крысы. А где могут завестись крысы? На складе или в офицерском блиндаже, где хари ползут, чем у солдат. Кого-то, видно, одолевают крысы, и пришлось завести кошку.

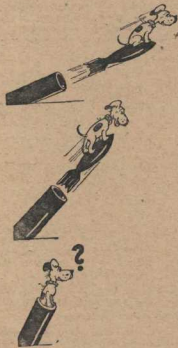
Через час английски самолет неожиданно осыпал круг над тем местом, где видели кошку. В английском штабе внимательно рассмотрели снимки квадратов С и Д. Да, по сравнению с прошлыми снимками здесь произошла большие изменения. И через полторы минуты два батарея шестиполовковых гауби открыли шквальный огонь. В воздухе взлетели офицерские тела, обломки радиостанции, инвентарь большого волюского штаба. Когда выли угарные, Аттиус увидел вонючую всей этой суматоги. Помняши пулетным хвостиком, она осторожно приблизилась к другому окопу. Там же шумное и бесполовое место, как штаб. Больше не устранила кошку. Она решила переменить квартиру.

А снайперы снова лежали на своем посту, в силу левый Мак-Гарди слушал, что говорит свой лорский Мак-Гарди:

— У верстового столба бегуны шаловные оторвали офицерского пулемета. Это какой-то большой чин... Целься лучше. Нет, нет, на три дюйма правее! Засыпываю еще одного.

Дуэль продолжалась...

КАКАЯ МИНА ПОЛЕТИТ ДАЛЬШЕ?

Каждый стрелок хорошо знает, что чем больше угол, под которым установлен ствол винтовки, тем дальше полетит пуля. В противном случае с дистанционным красным стволом при стрельбе устанавливается под двумя углами и горизонту: в 45° и в 75°.

При каком на этих углах миная полетит дальше и почему?

Чтобы взглянуть разобораться в этом, начертите траектории полета мины при разных углах выстрела.

ОПРЕДИТЕ ЗАРЯД ПОРОХА

Чтобы достигнуть нужной дальности при стрельбе, применяя тот же способ в одном случае вынимают угол бросания, в другом—изменяют силу давления пороховых газов. При стрельбе на винтовку, имеющей одинаковые заряды (дальности), чем больше угол, тем дальше летит пуля. В большинстве при установке ствола под одним и тем же углом чем больше давление газов, тем дальше летит миная. А что если надо провести два выстрела на одну и ту же дистанцию, но один—из пушки при меньшем угле бросания (настильная траектория), другой—из гаубицы при большем угле (наклонная траектория)? В котором на них потребуются большие, а в каком меньший заряд пороха? (При одинаковых прочих условиях: калибре, весе снаряда и др.)

Комсомольское сердце

(Из дневника Галины Арской, полтрука санитарной дружины)

Вой! В институт пришел военврач, он сказал:

— В город прибыли раненые раненые. Нужны люди: только сильные, здоровые.

— Почему-то крикнула громче всех:

— Меня зовуте! Я смел!

Наташа прибежала домой взволнованная, раскрасневшаяся и рассказывая:

— Когда прибыл поезд, я вместе с другими девчатами перетащила раненых в вокзал, а специальную команду. Уложили всех на скамейки. Пока ждали машины, я начала свой первый обход. Иду, а меня влечет ко стулу. Но я говорю себе: «Наташа, обходи всех, а тогда тебе нельзя тридцать минут спать».

Можете себе представить, как я удивилась, когда на одной из скамеечек обнаружилась вдруг не раненного, а девочку, совсем маленькую — лет восьми. Она спала, а под толстой одеждой подул у нее большой узелочек. Я потрогала до ее плеча. Она проснулась.

— Ты откуда?

— Из Ковилово. Маму бомбы убьют. А папа на финской войне погиб. Я сама пришла сюда.

— Как же тебя зовут?

— Леля.

— Пойдем со мной!

Послушно встала, она взяла свой узелочек и так же послушно пошла. Теперь она моя дочка.

— Как это твои дочка?!—закричали все в один голос.— Это наша дочка—дочка санитарки. А тебя мы назначаем самой главной мамой...

Теперь выполнялись новые работы. Надо сделать так, чтобы Леля жила, как в родной семье.

Вчера уехали на фронт наши знакомые товарищи. Мы все были на вокзале, провожали их. Счастливые! У них большое сердце, иначе они бы не отпустили от всего!

Немцы влетели на Москву. С каждым днем мы все больше убеждаемся в том, что это война не на жизнь, а на смерть. Да, мы держим суровое испытание!..

В институте все те же лекции, зачеты. Обычная жизнь. Ночами дежурил в госпитале. В нашей санитарной дружинке двадцать две комсомолки. Это слав!

Вчера мы перешагнули свои платки для Лели. Создали даже специальный «лелин фонд». Каждый вносит, сколько может...

Я твердо решила: надо бросить институт, чтобы полностью отдаваться уходу за ранеными. Это—теперь самое важное, и ничего не может быть важнее для нас, девушек. Мы участвуем давшие фронта, хотя и не слышим призывов, тревожных сигналов и на наших глазах не разрушаются дома от бомбардировок.

Завтра пойду в обком комсомола и в рассказу о своем решении, что это необходимо, и в институте предложу подругам: «Кто хочет стать членом санитарной дружины, запишитесь у меня».

Секретарь обкома, выслушав нас, сказал: — Правильно поступаете, девушки. Значит, комсомольский билет не зря получали. Тотчас

смотриете: жалеть не будете? Ведь беретесь за трудное дело...

Придя в институт, мы подали коллективное заявление: «Директору Энергосиниститу. Давидать две комсомолки просит вас разрешить нам отпуск на один год. Будем работать на вокзале, обслуживать раненых. Из списка студентов не исключайтесь. И все подписались».

Снова прибыли раненые.

— Вода, сестрички!—улыбнулась я.

Подождала я к раненому, вглядываясь в его лицо. Ясные глаза под густо нависшими бровями, крепко сжатые губы. Он смотрит на меня и ждет. А я растерялась.

— Пить!

— На, касатки,— я сама удивилась, что назвала его так, как в детстве меня называла бабушка.

Большой начал метаться и стонать. Он только просил пить да пить...

Всю ночь провела я в этом вагоне. Я понимала, что больше, словно дети: за ними нужен уход и уход. В ту ночь в запомнила каждое лицо, каждый взгляд.

Я пришла к минутке. Вызла тетрадку, читаю: «Студентка I курса Г. Арская». Раскрыла. Запись первой лекции по электротехнике. Как давно это было! Вдруг пришел приказ: «Немедленно принять санитарный поезд. Тяжело раненых переправить в эвакуационный лагерь. Срок—сутьки!»

Паровоз медленно «приставал» к перрону. Министр знает: каждый лишний толчок опасен.

Открыла вагон № 6, с красным крестом. Его прогнали мне. Я вошла и сказала:

— Здравствуйте!

Поети ничто не ответили. Некоторые лишь заморгали глазами в знак приветствия.

— Червоная, перевяжи меня!—улыбнулась я чей-то голое.

Тихою подошла к больному, стала медленно превращать. У него повреждена клошона. А он все читит, смеется!

— Ты первая профессор!—говорит.— Леля такая.

Вдруг откуда-то подул ветер, полетели дождевые брызги. Я подошла к двери: закрыта. Смотрю, в одном отделении комсомолец занавеса. А мне объяснил, что в дороге склади под обстрелом, поблизости разохнулся снаряд, и стекло разлетелось вдребезги. Говорит, я сама от холода ежусь. Что делать? Выглянула в окно: темная-темная ночь. Ливень, а стекло встать сейчас несомно. Вот я и решила: лучше заходить окто, а время от времени подходить к нему и собственным телом прикрывать отверстие. Так и сделала. К утру сама вся мокрая стала.

Утром я пошла по вагону посмотреть, как работают дружинники.

В третьем вагоне я застала Нику Выхарилу. Она спеша у нее большего и рассказывала сказку.

Ее слушали, ей улыбались, и каждый вспоминал свое далекое детство.

Можно похвалить себя и Лиду, и Нишу, и Валю, и Катю—всех, всех. Мы выдержали испытание! Двое суток не уходили с перрона.

Перед глазами воспряли, забитываемые липа. Подождал большого на носилках, вынести его осторожно из вагона, селиться на три стульчика и—в машину. Отвечать только, но чем труднее, тем больше хочется сделать. Таков уж характер у нас, упрямый.

Однажды а поздней час нашей «вахты» я вошла в вагон, где работала Юлия Сатеева. Она заканчивала перевязку.

— Все,— спокойно сказала Юлия, протирая одеколоном руки.— Можете теперь отойти, почтайте газету, а лучше всего усните.

— Вот и все сестры обомшались, а вы бо-лись,—проговорил раненый.

— Знаете, я даже операция могу сделать,—расхрабривлась Юлия.

— Ну, уж это чересур!

Мы а это время встретились глазами, и Юлия смутилась.

— Как это ты ренилась?—спросила я ее.

— Очень просто. Сестру куда-то срочно вызвали. А из руки сочилась кровь. Вот, видишь, ее и до сих пор нет. Я все приготовила, прежде чем присутствуй к перевязке. Ведь мы эским-то слава! Поинимй! Каждая из нас должна суметь, если придется. Не приходилось вот только... А сестра все должна уметь,—закончила Юлия.

Много времени прошло с тех пор, как я ее обрад в руки этой тетрадки. Многого пришлось за это время. Наступили летние дни, и Лисю мы отправили в пионерский лагерь. Прогоржому день а ночь продолжается ваши дежурства...

Сегодня прочла «Науку ненависти». Только умеет Шолохов раскрывать чувства простых людей! За это год я пришла, что сильнее ненависти а врагу нет ничего на свете.

Вперед мне самое трудное дело войны. Гуть к победе торопит. Но мы знаем нашу дорогу и знаем, как по ней идти.

Вчера, как обычно, вышла на перрон встречать состав. Ирина пришла с букетом цветов. Подождал воинский эшелон. Оказалось, не наш. Я подумала: «Вот же адут она из вагона, а мы все на платформе...»

С подложки одного вагона прямо соскочил какой-то рослый командир и левко ко мне!

— Здравствуйте, дорогая!

И прогнала мне свою руку. А я стою и не могу припомнить: кто это?

— Ну, скорей вспоминай Галина, а то поезд тронется.

— Иван! Андрейевич! Да как же это? Куда?—я и выхватила у Ирины цветы.—Вот вам. От меня, от всех вас, чтобы веселее спать было.

— Видишь, выдворился. На шпце даже из одной парнички не остался. Славнбо, родные! Сейчас снова в бой. Ну, пора!

Он на прощание поцеловал всех нас.

Так до сих пор перед глазами я поезд, на подложке командир с букетом цветов. Снова на фронт!

Горд Н.

ПЕСНЯ О БУШЛАТЕ

ЛЕВ ДЛИГАЧ

Не расстанусь я с преданным другом,
Не смущусь акуратных заплат.
Ни дождям, ни бурянам, ни зыбогам
Ты не сласься, мой верный бушлат.

Ты по сердцу родному народу,
О тебе и с любовью спою:
Согрдеешь меня в непогоду,
Не стесняешь в горячем бою.

Мы из базы уйдём на закате,
И любимая смотрит с тоской
На веселого парня в бушлате,
В замечательной форме морской.

Берега омывает накатом,
И еще не прошли холода.
Возле сердца, под верным бушлатом,
Не ознобешь, мой друг, никогда.

В час великой и грозной расправы
Мы сошли на свои берега,
На бегу распахнули бушлаты,
С кораблей штурмовали врага.

Где нагрянет морская пехота,
Там не видят фашисты ни зги.
Моряков Черноморского флота
«Черной тучей» прозвали врага.

Отдыхает горная круча
И суровые стихнут ветры,
Если ринется «черная туча»
И морячков гнетет суар.

Свярепуют враги от бессилья,
Для фашистов кончается день,
Если туча раскинула крылья
И отбросила грозную тень.

Не расстанусь я с преданным другом,
Не смущусь акуратных заплат.
Ни дождям, ни бурянам, ни зыбогам
Не сласься мой верный бушлат.

ЭТО БЫЛ ЖАРКИЙ БОЙ!

В. ТАММ

...Через поляну пробежали люди с винтовками. Когда они приближались к лесным зарослям, с противоположной стороны застрочили пулемет. Люди упали на землю и укрывались за хохляками. Пулемет не переставал трещать. Боины ловко проскальзывали под сваленными деревьями, на минуту заставляли на месте и продолжали ползти.

Но вот раздался грозный войскал:
— За мной! Ура!

Отряд поднялся. Короткими перебежками, пригибаясь к земле, бойцы ринулись вперед, оруждая со всех сторон «аражескую» огневую точку. Через несколько минут пулемет «противника» замолк.

Но этот эпизод — часть большой операции. Ударно-головному подразделению надо соединиться с левофланговым. Младший лейтенант Попов отдает приказ:

— Бойцы Игуменко, Изваров и Махрушин идут в разведку. Быстро вернитесь назад со сведениями о расположении и численности «врага». Попутно вычислить, цел ли мост у селения Н.

Укрывшись ветками, стараясь двигаться бесшумно, бойцы двинулись вперед. Но что это? Справа на дороге показались велосипедисты. Это разведка «противника». Бойцы спрятались в кустарнике. Когда самокатчики уехали вперед, разведчики продолжали путь. Они перешли вброд речку, спустились на дно оврага, потом поднялись навверх и с высокого дерева стали осматривать местность. Стой! Вперед! Чего-то двинулось. Так и есть — это части «противника». Карандаш быстро набрасывает план местности, лес, холмы, белый помик лесника. А вот и батарея, пулеметные гнезда.

Вскоре разведка возвратилась. Теперь стало ясно, какими дорогами отряд может соединиться с левофланговым подразделением.

Через час отряд соединился в километре от оборонительных рубежей «врага». А когда «бой» разгорелся, с левого фланга ударила основная часть. Бойцы смело бросились в оковы «противника», закликая его гранатами, разя прикладом и штыком. Недалго даялся «бой». Скоро над домиком лесника вился красный флаг.

— Да, это был жаркий «бой». Правда, здесь не было настоящих винтовок, не было пулеметов, не было артиллерии и минометов — все это было условным. Но этот условный бой показал, что участники военно-физкультурной группы, учащиеся митишинского ремесленного училища, имеют прекрасную военно-физкультурную подготовку, что они выносливы, ловки, полны решимости к победе.

Когда триста участников военно-тактической игры выстроились на поляне под вековыми соснами, вооружу училища, бывший командир партизанского отряда, тов. Ревенко сказал:

— Ребята, игра проведена хорошо. Особенно отличился комсомольца — учащийся в училище Дробышюк, Овчинников, Турбинков, Кутурьев, Рытвинков, Пирожкова, Морозова. Вы будете прекрасными воинами, смелыми разведчиками, отважными связистами.

Успех этой игры не случаен: много сил, энергии, умения вкладывает комсомольская организация, ее секретарь Саша Генералов в дело военной подготовки учащейся молодежи.

Вокруг Митиш поля и лес. Зимой здесь лежат глубокие снега. Каждый выходной день в окрестностях городка появлялось множество лыжных следов. Они вели в чащу, обрывались на спуске к реке. После лыжного кресса переходило красное знамя Московского областного комитета по делам физкультуры и спорта перешло в ремесленное училище № 11.

А весной, еще не успев сойти в поле снег, юные физкультурники уже начали готовиться к лыжнотлетическому крессу. В программу тренировок входил бег по узким лесным тропам, через кочки, пни и завалы.

Зачастую участвовали в подготовке к крессу не только учащиеся, но и мастера-комсомольцы, руководители производственных групп. Учащиеся третьей слесарской группы выходили обычно на тренировки вместе со своим мастером Рабковым. Он очень внимательно следил за спортивными успехами учащихся, серьезно обучал их технике бега.

— Сегодня вы бежали уже лучше, — говорил он на занятии. — Но у многих есть ошибки. У Володя, например, шаг частый, а Раа не правильно ставит ногу. Надо опустить ее на пятку и плавно переносить на носок. Ясно? А вы повторите еще раз.

Здесь же, в поле, Рабков учил молодых слесарей метать гранату, переносить по-лыжнотлетическому, преодолевать препятствия.

Под красное полотнище старта профессионально-комсомольского кресса вышло 420 участников ремесленного училища № 11. Это составляло 20 процентов. Большинство участников кресса не только выполняло нормы комплекса ВГО и ГТО, но и перевыполнило их.

В училище выросли незаурядные легкоатлеты-бегуны, у которых, несомненно, есть спортивное будущее. Недаром коллектив выставил свою команду для участия в ствольчатой эстафете на приз «Вечерней Москвы».

Физкультура, спорт стали неотъемлемой частью жизни училища. Здесь любят все делать своими руками. Надо отгормотировать волейбольную площадку? Пожалуйста. Во двор училища выходит десяток ребят, вооруженных лопатами, и быстро выводит бордюрок... Одни расчищают беговые дорожки на стадионе, другие изготовляют в мастерской амуницию для рюкзачного боя. Каждый старается внести свою лепту в общее дело.

В училище № 11 деятельно работают спортивные секции. Много учащихся занимается бегом, метаниями, прыжками. Есть страстные почитатели волейбола, любители гребли, плавания.

Крепких, физически здоровых бойцов трудного фронта готовят ремесленное училище в Митишах. В этом большая заслуга комсомольцев.

деревя. За ней видна одна угрюмая гора — стена железной дороги. Моему курс и идом по расчёту времени, точно засекая его секундомером.

— Где мы? Уже в Смоленской? — спрашивает меня Остаев.

Вполне понятно его волнение: товарищам скоро прыгать. Прием неизвестно, выйдет ли парашюта условной ала. Впрочем, если его не будет, все равно ребята прыдут вниз. Наша задача — как можно точнее привести машину в назначенный район и на месте принять решение.

Далеко справа, на краю лесной чащи, видны следы от огня. Может быть, это и есть условный сигнал? Нет, мы должны выйти южнее, во времени нам подается еще несколько минут леса. Вместе с Алесеем напряженно всматриваемся в туманную громаду леса, слышим свой шлободящий. Мы не смеемся. Это здесь. Фигурный лес, узкая лента реки, несколько деревьев. Здесь, именно здесь.

И как бы в ответ на наше волнение, вину вдруг еще заметнее вымечивают возникают небольшие ослыны. Сигнал! Пристально всматриваемся, осторожно поворачивая машину вправо. Ну, конечно, это сигнал лам.

Теперь ясно видны очертания условной фигуры.

— Проготовитесь!

Алесеем переводит машину в крутую спираль.

— Пришли! Партаваны ждут! Сигналы! — старший перекричит моторы, говоря в товарищам, поправляю им лыжи парашютов, подбавляю; еще раз советую им лить или скрывать во время прыжка; с дескрипции может сильно запомнить в ушах.

Мы круто торопим высоту — перемена давления болезненно сказывается на аппаратурном аппарате.

Двести метров. В дверь кабины линии фигуры людей возле костров, несколько подвоз. В воздухе висят ракеты. Их число и цвет соответствуют указанию. Пришли точно. — Начинаем!

Алесеем положил самолет в неуглубленный выем. Видюся с бортиком кабины Гайворонским начинаем сбрасывать мешки. Они тяжелы, ворочая их себя вправо чертовски трудно. Сбрасываю с себя шлем и перчатки, рывком расстегиваю комбинезон. Одни мешок, второй, пятый, десятый... Еще и еще... Мы оба захихикали, устали. Но надо торопиться. Свет ракет может заметить немцы — и тогда нам всем будет несладко. Наконец мешки все из земли. Теперь очередь за ребятами. Они выстраиваются возле дивана, протягивая нам концы ремней от своих полувзломанных парашютов. Мы закрепляем ремни на специальных скобах. Остаев, близко прилегая ко мне лыжи, свинтывает перчатки и протягивает руку. Я крепко пожимаю ее; хочется вложить моему в эти секунды: ведь прощались с товарищами, идущими на тяжелое, опасное дело!

Первым идет вниз Игорь. Это первый в его жизни прыжок с парашютом. Но на учебной площадке, а здесь, в настоящей боевой обстановке ныряет парашюта свое парашютную жизнь. Затем Соколов, Прыскал... Последним, мастерски пригнувшись, прыгает Остаев.

— Все! Давай высоту!

Мы так устали с Гайворонским, что, не сходя с места, тут же растягиваемся на полу оставшейся кабины и вступают далеко в воздушный ребе. Но мы не отслышим. Дистанция велика, и лучше себя не обнаруживать.

— К пулеметам!

В воздухе опять фанатовский истребитель. Он идет издали длинную очередь. Пули пролетают вдали нас и вступают где-то далеко в воздушный ребе. Но мы не отслышим. Дистанция велика, и лучше себя не обнаруживать.

...Было далеко за полночь, когда мы приземлились, на своем аэродроме. А завтра в штабе мне показали отсутствующую Прискую радиоприему: «Прибыли точно. Благодарю»

БИТВА У СКАЛЫ

Илья БРАЖНИН

Рисунок В. Горюева

До часа я не дошел. И командир и комиссар, которых я искал, оказались на полпути от старого командного пункта к новому.

Лишь командира обринуло к высокой скале. Она встает из снежного подножия гигантской бурой стеной. От нее вниз идет ослепительно-белый пологий скат. На скате сидят люди, человек пятьдесят, не больше. Они сидят прямо на снегу в высоких штанах и коротких ватных тулупках. Лишь их буры от ветра, влог и несенного союзна. Они сидят на снегу и молчат, сдержанные и суровые у суровой, мстительной скалы. Это — делегатское собрание коммунистов.

Вечер тих и грозен. Незнакомая предель молчаливого воева, синий густой покров морозного неба над белоснежным скатом — вся великолепная строгость скудного северного пейзажа никак, казалось, не замечается. У скалы говорят строгие речи. Здесь люди суровой решимости. Завтра многие из них могут погибнуть. Они знают это. Они кратко в речи, а которой нет и ста слов, рапортируют о готовности выполнить свой долг до конца.

— Через два часа начинаем, — говорит командир.

— Расходиться небольшими группами, по два—три человека, с перерывами, — заключает собрание комиссар.

Скала одиноко высится над снежным пологом скатом. Люди ушли в ночь. Молчанье. Клитым на верность невидимо лежат у могучего подножия бурой скалы. Коммунисты уходят в бой.

* * *

В палатке никто не спит. В маленькой железной печке скупо теплятся мелкие березовые кругляши. Они не толще человеческой руки. Березка здесь плоскогорья и крива. Она лежит по скатам каменных высот. Бе немного. Нольня не ухватить молчаливого мужества, с каким эта маленькая северница борется с вьюгой, морозом, наласовой, скудной союзнай пошлой. Ее уважает. Бе любит. И ее рубит. Что поделяешь! Ничего другого нет, а в снег бы тепла погибнешь.

Тлеют дрова в пещурке. Вокруг нее немного тепла в еще меньше света. Командир части Солдатов наслаивается к печке, чтобы разглядеть карту. Потом отсвечивает две пуговицы в косом потолке палатки и встывает в образовавшуюся щель вместо распорки прутки длиной в 30 сантиметров. Так холодной, но зато светлей. Сейчас Солдатову нужней свет, чем тепло.

Он еще раз сверяет план боя с картой. Он уважает план, но если требует обстановку, изменяет его. План всегда выполнялся бы в точности при одном условии: если бы противник ничего не делал или делал бы то, что хочется составителям плана.

Солдатов откладывает карту. Он знает наизусть каждую отметку на ней. Глаза его — бесположные и быстрые глаза — глядят непо-

движно в невидимую дальность. Подтянутые, сухие щени, непокорный чуб пенесных волос, негустые каштановые усы, упрямый подбородок — все напоминает в его облике Чапаева. Сходство дополняют резкая, отрывистая речь и быстрота движений.

Там, у бурой скалы, два часа назад он говорил коммунистам отрывисто: «Наступать как молния». «Вот бойцы: идут, зубами грызут немцев!» «Каждый себе скажет: «Мне лежать нельзя, я должен победить возможно ближе и врагу, чтобы броситься в атаку». Потом он вдруг замечает строго и сдержанно: «Но помните дисциплина прежде всего».

Он австывает всех глядеть на завтрашний воев бой, именно глядеть, а не зурбить прельва бой. Он хочет, чтобы каждый увидел свое движение и только так осмыслил его. Поле бой для него прежде всего — движение людей. А он сам всегда с ними, с идущими впереди. Он на наблюдательном пункте, он в батарее. Он в роле, он у минометчиков.

Я видел его а июле прошлого года при штурме одной из высот. Он сидел на невысоком бугорке, наблюдал за штурмом. Роты оставались, залегли. Прозносла заминка, и как раз а тот момент, когда она была менее всего желательна. Солдатов всконал. Он киунулся вниз по скату, туда, а самое место. Он шел по водохранилищу от взрывов земле, прямой, упрямый, стремительный.

— Ну, теперь не останавливать, — сказал молодой начальник штаба, глядя ему вслед.

...Я вспомнил в лицо командира. Он изменился, и он все тот же — прямой, упрямый, стремительный.

В чепаре часа утра мы выходим из палатки. Ужасн проща, пробитая а лощину и сырор вешенном снегу, вьется по шлангам. Бурые камни и копки выступают из-под снега, между ними лужинки стальной воды. Вода выступает поверх снега и на озерках.

По высотам бьет уже артиллерия. Над головой шлепает снаряды. Кажется, что они идут в дождик медленно, неспеша. Снаряд, идущий в сторону противника, приятен, снаряд обратный противнику. Глухие разрывы астрихают каменные головы утесов. Так начинается утро.

На командном пункте батальона два бесовных телеграфиста и начальник штаба. Неподвижно, с гордым, бьет маленькая пробитая скала пушка. Ночью ее здесь не было.

Бе вьюлки ав несколько километров непроходимыми снегами упрямые, морские по пояе артиллеристы. Бе на руках тащили вверх по скалам. Старый сержант Прокофьев освобожден хлопотами, устанавливая ее на открытой позиции, на вершине каменной горы. До высоты, на которой упрямой высятся дров врага, всего семьсот метров. Пушка Прокофьева добьет их прямой авалдой. На нее обрушивается смерь артиллерийского и минометного

(Окончание на стр. 18.)

«КОЧУЮЩАЯ» БАТАРЕЯ

А. ПИСЬМЕННЫЙ

Тракториста Соловьева рванато осколком двухоседействительного снаряда, когда «кочующая» батарея снималась с исходных позиций. Тракторист не покинул своего места, не подал вида о своей беде. Орудийный расчет ушел вперед, как обычно, и только на исходных позициях товарищи узнали о его ранении. Ослабев от потери крови, Соловьев не сумел самостоятельно выйти из кабины.

— Сашка! — позвал его Чепель, своего друга, водителя второй машины. — Фронт, кажется, испортил мне приборотур...

Чепель сминил лупингом грязь с сапога.

— Не вали ваянку! — ответил он, не поднимая головы.

— Сашка! — снова сказал Соловьев. — Честное слово.

Чепель взглянул на товарища, увидел его ободранное, осунувшееся лицо и бросил приборотур.

— Да ты арешь, Соловей?!

Ранений попытался вылезти из кабины. Тогда Чепель испугался и побежал к нему.

— Не может быть! — возгорой он, увидя, что чувствует теплую кровь товарища из задних... — Ты смотри, я думаю, никому... За шею хватай, держись за шею... Что же ты сразу не сказал? Вот порти!

Он вынес Соловьева из кабины и положил подле тракторной гусеницы, на молодую, весеннюю траву. Пока санитар переносил раненого, Соловьев отдал Чепелю последние распоряжения. Он просил ничего не писать жене-нашившей, мол, сам из госпиталю вернуться в родной полк и побьет армейский рекорд вождения трактора без капитального ремонта.

Чепель послушал Соловьева молча, потому что не знал слов, которые можно сказать а утешенье.

На смену раненому трактористу на «кочующую» батарею прибыл воинско — Егор Кадушкин. Изуродованный артиллерийским обстрелом лес не повлиял на него никакого впечатлениа. Могучее, повзрослевшее от возраста березы, матовые сосны, которые могли прожить еще сто лет, или тошнотной в человеческий обхват, наломанные, как спички, окружали ставившие «кочующей» батареи. Вестившие вершины в беспорядке лежали на земле. Остатки стволов торчали то здесь, то там, точно исполненная нога прошагала по их кро-

нам. По негравдоподобно обломанным, расщепленным стволам можно было проследить траекторию снаряда. Эта позвонила жартину Кадушкина на выжиловался. На мгновение лавнобобуюту пушку, которую предостало ему воизити, он также не обратил внимания. Он подошел к трактору, оглядел его, приподнял козлу, подумал что-то и сказал:

— Минута подошла! — работать можно.

Чепель недовольно следил за ним.

— Тожар ты по обточке французских булок, — сказал он, отглядывая врасширку, будто все еще шитую фигуру Кадушкина. — Тоби, думаешь, пыхать сюда прислалли?

— Пахат или севть? — равнины не составляет, — ответил Кадушкин. — Как ни влады! — трактор. Такли до чорта в нашей МТС.

— Дерзави! — сказал Чепель. — Что ты понимаешь? Э-х-х!

Он с горечью вспоминал о последних словах Соловьева. Плуг взять нели селкую — на это парень, может, и ладный. А тут вуюку следи возит и синиает о позиции через две минуты после отбой, под неприятельским огнем! Как же, уберект такой дадула дивизионную старуюшку? Он вот и не выгудит на нее совсем.

И, промолвив, Чепель сказал с досадой:

— Леньны, ты расуалат, а ведь низкого понятиа... Известно тебе, что на батарее наше дело — самое главное? А асеньны расуалат. Расчет отстреливается! — и тыкать. А нашему брату тыкать не приходится. Зато фронт прежде времени — все равно сини, вымолвил старуюшку. Пония? Вот Соловы и клянуло.

Кадушкин недоверчиво поглядывал на Чепеля, а потом перевел взгляд на пушку.

Она стояла под сонной, прирывает шерку ветками и рогожей, важная, строгая, в зимнем, по-военному, и в майском, потригандскому белом наряде. В селе, где до призыва в армию жил Кадушкин, была старая учительница Мария Лукьяновна. Она работала в школе до двадцати лять лет подари. И вот эта пушка чем-то напоминала ему учительницу.

Ветером артиллеристы сидели у костра среди дачи, сломавшихся орудийным огнем. Напившись чаю, Кадушкин ушел в землянку спать, на жале остались Чепель, командир орудия Клейменов и два яны три бойца. Было еще светло, и командир батареи лейтенант Терентьев сидел на пеньке и читал газету.

Бойцы журили на сон грядущий, поплеывали в огонь и говорили о всякой асичке. Чепель не принимал участия в разговоре. Он утормо молча, утигивая сапогом белый пепел по краям костра. Как все, что он делал,

он меленно думал о раненом другеке. С Ленной Соловьевой они познакомились в Рязани, а в сентябре, когда формировались их взкомы, Ленка был отхитком, а Чепель — пушкой, и они сперва все спорили, что лучше. А потом они подружались, снали под одной шпеллю, стели на-чара полу сиду, уакала, погулявали.

Чепель взирнона воеком сапога утигивание метелью и сказал:

— Соловей велел следить за трактором в Рязани, а сейчас, когда фронтомали его, бегом. Убереквай тут, как жел!

— А ты уч, — сказал один из бойцов, — сам-то тоже не в Бузнос-Алреса.

— Нет у меня довери! — закричал Чепель. — Он ода арбайт, как на весеннюю пахоту.

Плуг ему таскать, я не пушку.

— А чем не пахота? — спросил лейтенант Терентьев, отрываясь от газеты. — Мы у фронт, небось, так распахали, что прямо можно приступать к севу.

— Уадрит фронт прежде времени — это дядя забудет, как его и звать, — уирмо сказал Чепель.

Ничего, обстрелится, — проговорил Клейменов.

— Ранним утром, в назначенный час, да гусясинных трактора вывели старуюшку из взмашинуя, позвину эжишкой грязь и талой воды дорку. Они шли лесом, мимо замолчаных, свалочных деревот.

По обочинам дорог, отстраняя ветки куштарника, шагал орудийный расчет. Люди были молчаливы после сна. Глубоко заснува руки а корчима, шагал командир тяти. Лейтенант Терентьев в своем порезанном своем платье шагал, уверев руку в бедро, а правой помахивая губным прутиком. За ним двигался командар батарее с пачкой газет и журилово Клейменов. Позади всех шел Кадушкин, он нравился больше всех. Он был спокойный, сдержанный человек, все шутки асела предпринимал всерьез и всех людей называл по имени-отчеству. Даже Кадушкина, когда выговаривал. Клейменов спросил: «Как величать по батюшке?» — хотя Егору только стужило двадцать лет.

Тяжело упря, узявая в грязь по самый ридатор, шадела и чмачи гусеницами, тадела мощные «станички» тяжелую пушку; и на заднем тракторист сидел Егор Кадушкин. Руки его привычно лежали на тракторном рычажке, и на душке было спокойно. Он знал, что до первого криа далако — какому три — четыре; утро было тихое и ясное, и на всем утормо прифронтовой полосы не слышно ни одного выстрала.

На опушке леса, аблжи деревни Лесы горы, от которой остались только колдальные ямы и полуразвалиные тогребя — дома немцы сожгли дотла, весенние ветры успели развалить их пепел, а весенние воды унеси голубеньких — командир тяти привадал оставившиеся. К пущке, не торопясь, подошли бойцы и сняли ее с передка.

Орудийный расчет действовал так спокойно и неторопливо и такая тишина была вокруг, что Кадушкин утормолял, правду ли говорит Чепель.

Еще на исходных позициях, утормо оупека глаза, тераясь мыслью о Соловьеве, Чепель с назидательной целью носилит Кадушкина во все особенности ли боевой работы.

Пушка дальнего действия гардальского вола, в состав которого входила батарея аривняла больше неприятности противнику. Она громилла укрепления немцев, маршала коммунистича, велела повою водворивший и коопирпасов. На свою белу, превосходящие дальностью пушки отличались очень громким выстрелом, и немцы быстро засекали их отменные позиции. Батарейком, воздуха отступало глубины — тыла, противника, прикладывая «святость», то есть каждый раз выбирать новое место для стрельбы. Тщетно немцы хотались за «кожевниками». На десять совет-

Дальное орудие направляется на новую огневую позицию.

ских выстрелов они отвечали иногда сотнями снарядами. Целим артиллерийским полком оказались они за «кошушей» батареей, и все же вскрыть ее ни разу им не удалось. По указанию командира для отбора после стрельбы полагалось восемь минут. Батареям Терентьева укладывались в четыре минуты; в две минуты они выносили десять снарядов и еще через две — снимались с огневых позиций.

Но сейчас, следя за работой орудийного расчета Кадушкина не верилось, что в самом деле людям может грозить какая-нибудь опасность. Но он тут же вспоминал, что, по словам Чепеля, немцы обычно открывают шквальный огонь из тяжелых пушек через шесть-семь минут после первого выстрела «старшухи».

Пушку устанавливали на позиции, развели станины, забели для устойчивости клинья, поставили на геральдические гербы, выкопали ровчик, чтобы при откате казенная часть не уларила от земля. Установщик тем временем свинтил со снарядов кончики взрывателей, зарядный приготовил заряды.

«А что, если действительно Чепель прав? — подумал в это время Кадушкин. — Разве они укладывают в четыре минуты? И он посмотрел на часы. При такой медленной работе они не успеют сняться вовремя. От этой мысли Кадушкину стало не по себе. «Открыт фронт отныне раньше времени, шлепнет тебя за грязьку — костей не соберешь», — думал тракторист.

Когда заводчик навел орудие на цель и лейтенант Терентьев отдал команду, Кадушкин не поверил своим глазам: орудийный расчет точно подождал. С удивлением Кадушкин смотрел на бойцов. Он никак не ожидал, что эти люди, выполнявшие так медленно самую главную задачу, работать с такой быстротой. Он был любовником и хотел видеть, что делает каждый номер расчета, а не мог проследить за движением машины. Свиря и гильза мгновенно улетели в казенной части, и пушка осела. Шквальный рывок. Желтого-оранжевого пламени зарывало в ее ствол. Полегло пепел грошевой пробки и сальника, крупный, желтого-серый, легкий, как снег. Зеленоватое облако дыма поднялось кверху. Безумно отскочил назад человек, на место казенной части. И уже снова подбежал вперед и гильза, замковой снова дернул боевой штур. Выстрел следовал за выстрелом, руки нескольких человек действовали так, точно были рычагами какой-то одной сложной машины. И все же лейтенант Терентьев тем казался недоуточным.

— Быстрей, товарищи, быстрей! — то и дело повторял он.

«Куда же еще быстрей?» — думал Кадушкин, увлеченный стрельбой. Он и так не понимал, как люди не перепугаются гужами у орудия.

Кадушкин не успел сообразить, что уже произведено десять выстрелов, как лейтенант крикнул:

— Обой!

Мгновенно люди погнались к клинью, укрепляющему орудие на месте, опустились станины, свели станины, командир отделения тихо приказал завести трактора, и расчет, устанавливая пушку в новую точку, успел победить вперед.

Да, действительно, так все и произошло, как описывал Чепель. Расчет отстрелился в четыре минуты и ушел вперед, а Кадушкин с Чепелем, как герои, остались выжидать «старшуху». Сердце Кадушкина приспокоилось постепенно. Товарищи быстро действовали орудийного расчета великая и него уверенность. «С такими людьми не пропадешь!» — так теперь казалось ему. И вдруг позади кто-то лягнуло. Тракторы рванулись вперед. Кадушкин оглушился: пушка находилась на прежнем месте, ее станины сошлись с верха. Кадушкин прозрительно существовал, оставив трактор, выскочил из кабины и побежал к орудью.

К пушке бегом возвращался командир тяга. Восьмь человек следовали за ним по пятам. Следив за выстрелом, командир трактора вел трактористам.

Кадушкин ползл обратно в кабину «старшухи».

Он слышал, как ругаются люди и Клейменов оглушил лейтенанта, что грунт сырой, колеса увязли, потому и сорвалась резка шпории

в станина соскочила с перека. Чепель, приоткрыв дверку кабины, стоял одной ногой на гусенице и вглядывал, как работают люди. Кадушкину было видно его лицо, искаженное от напряжения. Действитель Терентьев взглянул на часы. На сердце у Кадушкина защемило. Он посмотрел в сторону передовых, точно мог увидеть, что там делается. Он прислушался: пока что тихо.

— Ох, ребята, наконец! — проворчал кто-то из бойцов.

«Ну, скоро они? Чорт! Скорее!» — бормотал про себя Кадушкин. Снова ему стало не по себе. Снова он почувствовал страх. Он же еще ни разу не был под обстрелом.

Вот уж и команда батареей стала подгонять в ту сторону, откуда немцы открывали огонь. Время тянулось так медленно, точно проходили часы, а не минуты. Но люди продолжали возиться у перека. Кадушкин зевнул. Он устал от напряженного ожидания. И тогда вдруг снова пришло к нему спокойствие. Он плотнее уселся на сиденье и подумал: «Будет, что будет. Не я один, а многие conosco, и в самом деле, это не пахота, а война».

Наконец люди у перека выжилились, и командир тяга приулил:

— Пошел!

— Оба трактора двинулись вперед. Колеса пушки выехали из колеи в непроходимом грунте. Обгоняя тракторы, расчет орудия бегом направился к дороге.

И это движение послышался далекий выстрел и аз ним приближающийся свет. Батарейный пламя ушли на землю. Присел и лейтенант Терентьев, который шел позади себя. Кадушкин нельзя было падать. Ему очень хотелось сейчас уехать и быть поближе к земле, но он должен был сидеть в кабине и вести трактор. Кадушкин увидел, что Чепель обернулся, лицо у него было напряженное и алое и он зачем-то поворочил пальцем. Метрах в тридцати от позиций, на которых только что стояла пушка, ушли снаряды, и осколки с огарками тротила жужжалом пронеслись мимо Кадушкина. Один из них уголил в крыло трактора, а машина глухим стоном отозвалась на удар.

Кадушкин выругался, согнулся, втянул голову в плечи. Но когда он понял, что, как и что не от какого снаряда человек гибнет, на душе полегчало, он приоткрыл дверку и крикнул:

— Ничего, мои живые!

И когда он услышал, как выстрел и приближающийся свет, люди орудийного расчета, успев пробраться несколько шагов, снова принялись к сырой земле. На этот раз снаряд упал точно в то место, откуда стреляла «кошушая» батарея. Кадушкин успел увидеть черную и страшную фонтан земли, осколки асфальта по пушке, один из них пробил крышу кабины и упал на сиденье, рядом с Кадушкиным. Тракторист тронул его рукой: осколки был очень горячий! И Кадушкин повторил про себя, не чувствуя теперь никакого страха: «А мы живые...»

Минуты через две противник открыл шквальный огонь, но он прорылся отсюда леса и дороги не в той стороне, куда направлялись расчет и трактор с орудием. Кадушкин чувствовал себя спокойно. Ему казалось, что теперь он не боится вражеского огня, даже если снаряды начнут рваться рядом. «...Когда они прибыли на исходные позиции, Чепель вылез из трактора и крикнул:

— Куда пошел! Как настроение?

— Кашу пробую. В кабине дырка — во! — показал рукой Кадушкин.

— В кабине? — переспросил Чепель. — Скажи спасибо, не в тебя попал фриз. Дырку мы закатаем.

После стрельбы Чепель всегда чувствовал восторг. Он подполз к «старшухе» и стал закуривать. Кадушкин с удивлением обратил внимание на руки тракториста. Они так дрожали, что табак сыпался на землю.

— Здорово садишь фрив, да все попусту, — Чепель сказал он Чепелю.

— Чепель закуривал.

— Он говорит за вами полтора месала, а за вас время подождал одного Соловья. — Чепель вздохнул и поглядывал на Кадушкина. — Значит, не срединяет?

— А чего дрейфить? — спросил Кадушкин.

Установка дальнобойной пушки на ошейной позиции.

— Ты же пакал!

— Вид был пакал, а стал артиллеристом. Сам-то, небось, тоже не в пушке родился. Чепель промолчал.

К трактористам подошли Клейменов и командир отделения тяги.

— Выжились наша «старшуха», а в кабине не было беды, — сказал Клейменов. Он посмотрел на Кадушкина. — Вы, Егор Давыдов, работали удовлетворительно. Будете артиллеристом.

Кадушкин улыбнулся и сказал: — Гостарался. Вот только крышу в кабине у меня пробил.

Он вынул из кармана осколок и показал Клейменову.

— Врости ты его к чертям. Налить березишь? — сказал Чепель. Он указал по ладони Кадушкина и вынул осколок из его руки.

Не признавая самому себе, он менял мнение о новом трактористе. Ничего особенного как будто не произошло. Ну, попали они под обстрел, и Кадушкин не убежал с трактора — только и всего. Разве кто-нибудь другой поступил бы иначе? Но об этом Чепель себя не спрашивал. Соплеменный разъемом Соловья, он заранее был настроен против его заместителя, он заранее, с несобоснованным предубеждением ждал от него всего чего-то дурного, чего-то должавшего. Оказавшись, естественно, не оправдавшись, и этого было достаточно, чтобы Чепель переменил мнение о поновке.

Неприятельский обстрел между тем продолжался. С короткими интервалами свистели снаряды и рвались в стороне от исходных позиций. Оттуда, где стояли батареи, были видны серые фонтаны, взлетающие над землей, когда разрывались немецкие снаряды, на дальней овушке. Поглядывал на эти западные разрывы, Кадушкин сказал:

— Читал я книжку про батю Миклухаевича. Он на пушечном ядре летал. Вот бы слезть да посмотреть, чего накрыл у фривы наши гостини! Иные мы видим — вот они. А как живи?

— Небольшая скорость у нас сплитком больше. Не слетаешь, — ответил Клейменов.

А Чепель сказал:

— Ничего, можешь не сомневаться. Наши наковилки как полагается: разовела доклады. Можно и без брони обойтись. Видишь, фривы сердятся. Наступили ему на любимую мозоль.

Когда обстрел прекратился, повар крикнул, что завтрак готов, и бойцы пошли с котельниками и дивизионной кухне.

(Окончание очерка И. БРАЖНИНА
„БИТВА У СКАЛЬ“)

отля. Возле колес встают бело-серые столбы разрывов. Но «смылая пушка» продолжает свое разрушительную работу. Ни кто не покидает огневой позиции. Люди стараются с потных лиц мелкие комочки земли и продолжают свое опасное и смелое дело.

Пехотники уже лезут, ползут по снегу, подступая к горе, на которой стоит вражеский дзот. Его надо взять. Во что бы то ни стало!

На КП батальона понемногу звонки. Помашината озабоченно поглядывает на свои часы.

— Открывай огонь, выдвигай по одному пулемету и двигайся! — кричит машината в трубку командованию пулюрты.

— Поток! Слышишь, поток! Вперед! Камешь обогнал тебя.

— Ветер. Немедленно броском вперед!
— Камешь! Давай больше огня на оркестр огня. Соседу мешают продвигаться.

— Ветер! Перебежками. Рыском. Броском.

— Поток! Тина за собой прозод.

— Принесли шитка?

— Да, да. Артиллеристам шереди. Сейчас дадут огонька.

— Посылаю еще двух связистов.

— Камешь! Камешь! Не топтаться на месте.

Хозяин приказал броском в атаку.

Хозяин сидит на наблюдательном пункте, среди камней на вершине горы. После боя видно окопана как на ладоны. По КП бьет вражеская артиллерия. Горы вздрагивает от взрывов. Вздрагивает палата под скалы. Далеко внизу, на белом снегу, раскладывают фигуры бойцов. Они вывалиют по скасту вниз, туда, где чернеет вражеский дзот. Он сложен из огромных, двухметровых камней. Два тяжелых шаряда даже ера приком попадали не причинили ему вреда. Только третий шаряд шконец каменную крышу.

— Так! — радостно вскрикнул политрук Ливовский. — Так его!

Он черен волосом, векодем, куряк, смугл в носел. Командир роты выбыл из строя. Командует Ливовский. Он расставил пулеметы на фланги, связался с батальоном, с артиллеристами. Потом бросил аппарат на снегу на пометание телеоборудов и убежал в цепь.

Перед дзотом, в траншеях, немешие автоматчики. Ливовский ползет впереди бойцов под бешеным огнем автоматов, пулеметов и минометов. Многие остаются неподвижно лежать из холодною снегу. Они никогда не встанут. Но остальные упорно ползут по мокрому снегу вперед. Два ручных пулемета выходят из строя, они не могут больше поддерживать движение стрелков. Плохо! Минутный огонь усиливается. Плохо! Саг сорвет от порохового гари, чернеет от разрывов, алет от крови. Фашистские автоматчики вежестают. Они недалеко укрыты в траншеях. Их не достать. Плохо! Но надо, чтобы было хорошо. Надо взять дзот!

Ливовский поднимается. Он поднимается во весь рост и кричат. Черные завитки волос амбаваются из-под шапки. Он бежит, проваливаясь по колени в снег, к траншеям и тяжело дышит. Рядом с ним бегут старшина Сторожев и сержант Иванов. Рядом с ним бегут бойцы.

Ливовский, Сторожев, Иванов спрыгивают в траншею, бьют из винтовок. Немцы убегают. Хорошо! Дзот взят. Хорошо! Бойцы располагаются в траншеях. Они дрожат от возбуждения и холода.

Долгие часы они переползали по мокрому снегу. Ватные штаны промокли, ноги промокли. Они истомлены. Лица их черны. Хочется есть. Но немцы теперь бешено обстреливают дзот и траншею. К залпавшим дзот смелычакм подойти невозможно. День дается бесконечно. Они дрожат от холода и мечтают о миске горячего супа.

Старшина Иванов решает, что они должны получить ее. С двумя бойцами — Орловым и Белорым — он берет термос и шкюкает на живот в район боя. Ни у одного из троих нет маскировочных халатов. Ватники и тризные по-

лубуши выдвываются на снегу. Шкалд огня преграждает им путь.

Ливовский и его бойцы голодны. Им холодно. Вторые сутки у них не было во рту на крохи. Старшина Иванов в отчаянии роет рукави снег. Орлов и Белов, лежа на животах, смотрят на него. Оказывается, что Иванов роет снег не от отчаяния. Он отравляет снежком оков. Когда оков (серее снежная яма) готот, Иванов начинает браться. Он снимает полушубок, гимнастерку, нижнюю рубашку, посыпаешь от холода, стаскивает сапоги. Снега пять минут он уже сидит голым на разостланном на снегу полушубке и, кряхтя и тихо-тихо ругаясь, начинает снова одеваться. Но больше он откладывает в сторону. Белые вдеваются поверх полушубка в ватных штанах. Шапка повязывается носовым платком. Маскировочный костюм готот.

Орлов и Белов проглатывают то же, что в старшина, и все трою вылезает из снежком окопов. Теперь по ним стрелять труднее. Снега ползает Ливовский и его бойцы едят горячий суп, самый вкусный суп, какой когда-либо им приходилось есть. Ливовский кричит курявые волосы, и темные глаза его сверкают как угрюмые. Над ним нависает угрюмое камня ватного дзота.

— Хорошо! — говорит он, одобрительно кивая старшине.

Наступает ночь. Слегка подморозило. Снег стад пылястым, колочим. Они крутятся под погами. Ночь почти так же светла, как день. И она исполнена дневных трудов. Вторые сутки никто не спит.

У выдоху на озеро. Оно белооснежно и широко. Тихо поскрипывают высокие оленья санки. Маленькие серо-белые оленя легко трусят по платному снегу. Их широкое, развалистое копытца осторожно и быстро ступают по озеру. В санках зажатый на меховое одеяло раненый.

Оленя останавливаются. Оленевод — самий — наклоняется над раненым. Скучающее темное лицо его внимательно и строго. Он отходит от санок и идет к маленькой дунге, пробитой во льду озера. В дунге зола. Возле дунги стеклянная баночка из-под консервов. Оленевод берет ее, зачерпывает воды, исет раненому. Потом возвращается, ставит банку на прежнее место и снова усаживается в санки. Оленя идут дальше, бесшумные, осторожные и быстрые. Скрип саней удаляется и замурзает за скалою, которую оскают оленя.

Я стою один на огромном белоснежном озере. Передаю мной у ледовой прощухны маленькая стеклянная банка из-под осцанных консервов. Я находил много таких банок у прощухны на озерах, но никогда не находил того, кто их поставил для глупцов. Он всегда остается неизвестным, этот заботливый незналица.

Медленно подымается неяркое солнце. Оно звякает своим светом могучий белоснежный склад высоты и загорается золотой искрой на стеклянном дне банки.

Я нагибаюсь, черпую студеноую воду и пью. Потом ставлю банку на место и говорю:

— Спасибо.

Никто мне не отвечает. Озеро пустынно. Сарваа ухает орудиный выстрел. Тяжелый немцевой снаряд с таким шкюлетом прохадат над головой. Из-за горы отвечает наша батарея. Начинается утренний артиллерийский концерт.

Каревский фронт.

ТАК НАЧАЛОСЬ

Красноармеец ПВО
И. ЛЕВИДОВА

Так началось.

Глухой ношей

Я помню тышину,

В пучке прожекторных лучей

Поблескую луну,

И этот острый, как тоска,

Как лезвие ножа,

Сирены вой, издавала

Всплывающий дробь,

И гром зениток с ближних крыш,

И красных пуль полет...

А в небе бешено кружат

Фашистский самолет.

Кидаясь вниз,

Взмывая вверх,

Чтобы ускользнуть в ночи.

Но вокруг него уже сплелся

Как шуальная, лучи.

И вот, захлестнут и подбит,

Как птица на лету,

Он дымным факелом летит,

Нырять в пустоту.

Ты друта чувствуешь плаечом

Сквозь грохот, тьму и вой.

И все на свете ничем,

Хоть смерть над головой.

Пускай десятки долгих лет

Нам суждено прожить,

Но тот медлительный рассвет

Вовек не позабыть.

Не позабыть, как хмурых туч

Раздвинулось кольцо

И первый золотистый луч

Согрел твоё лицо,

Как было радостно дышать

Большим простором дни,

Как клаять дали мы стоять

На линии огня!

ДВА ДВИЖЕНИЯ

Среди винтовок всех армий мира наша русская пизаровская магазинная винтовка выделяется простотой устройства, безотказностью в бою, скорострельностью и особенной меткостью.

В 1890 году в винтовку образца 1891 года были внесены некоторые конструктивные изменения: несколько улучшено прицельное приспособление, изменено крепление штатки. С тех пор наша винтовка официально называется 7,62-миллиметровая винтовка образца 1891/30 года.

7,62 миллиметра — это калибр винтовки, внутренний диаметр канала ствола. А магазинная винтовка называется потому, что имеет магазинную коробку. В магазинной коробке помещаются четыре патрона. Патрон находится в патроннике — в самом начале ствола винтовки. Патроны укладываются в обойму по пять штук. Чтобы зарядить винтовку, нужно:

- 1) правой рукой повернуть рукоятку затвора влево вверх. При этом раздается затвор и тогда
- 2) легко отвести штычок назад до упора.

Теперь сверху винтовки открылся магазин, в который можно

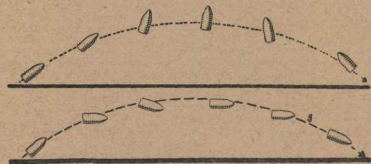
- 3) вставить обойму с патронами, вдавить патрон вниз и выстрелить обойму.

- Остается:
- 4) небольшим усилием задвинуть (дослат) затвор вперед и
  - 5) повернуть рукоятку затвора вправо. Снова, как и при выдвигании затвора, раздается характерный щелчок.

При движении затвора вперед верхний патрон также передвигается вперед, попадает в патронник, и поворотом рукоятки обойма запирается. При этом сжимается боевая пружина. Винтовка заряжена и готова к выстрелу.

Теперь достаточно слегка нажать на хвост спускового крючка, чтобы освободить ударник и дать возможность боевой пружине резко толкнуть его вперед. Боек ударника разбивает капсюль патрона, хлопок в гильзе воспламеняется — и происходит выстрел. В стан врага летит пуля.

У опытного, хорошо натренированного стрелка поворот рукоятки и отгибание затвора сливаются в одно движение. В одно движение сливаются также досылка затвора и обратный поворот рукоятки. Поэтому можно сказать, что перезарядка винтовки после выстрела производится всего двумя движениями.

Так вела бы себя в полете невращающаяся пуля (рисунок сверху).

Так летит вращающаяся пуля (рисунок снизу).

ПОЧЕМУ ВИНТОВКА НАЗЫВАЕТСЯ ВИНТОВОЙ

Мы все время говорим: винтовка, винтовка. А почему винтовка называется винтовкой?

Раньше ружье охотничье оружие называлось ружьем. Сначала ружье имело гладкий ствол, канал ствола и стреляло круглой пулей. Такими ружьями была вооружена русская армия сравнительно недавно, менее ста лет назад.

Однако давно уже установлено: пуля или снаряд летит значительно правильнее, устойчивее, лучше попадает в цель, если заставить его быстро вращаться в полете. Позволил варезные ружья. Канал ствола стал уже не гладким, а имел по всей длине винтовые нарезы. В эти нарезы пуля врезалась при движении по каналу и вылетала, быстро вращаясь. Одновременно пуля из круглой стала удлиненной. Это резко повысило дальность стрельбы и убийщую силу пули.

Так, благодаря появившимся винтовым нарезам в канале ствола ружье и стало называться винтовкой.

- 3) вставить обойму с патронами, вдавить патрон вниз и выстрелить обойму.

- Остается:
- 4) небольшим усилием задвинуть (дослат) затвор вперед и
  - 5) повернуть рукоятку затвора вправо. Снова, как и при выдвигании затвора, раздается характерный щелчок.

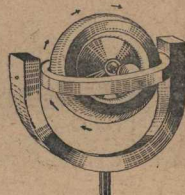
При движении затвора вперед верхний патрон также передвигается вперед, попадает в патронник, и поворотом рукоятки обойма запирается. При этом сжимается боевая пружина. Винтовка заряжена и готова к выстрелу.

Теперь достаточно слегка нажать на хвост спускового крючка, чтобы освободить ударник и дать возможность боевой пружине резко толкнуть его вперед. Боек ударника разбивает капсюль патрона, хлопок в гильзе воспламеняется — и происходит выстрел. В стан врага летит пуля.

У опытного, хорошо натренированного стрелка поворот рукоятки и отгибание затвора сливаются в одно движение. В одно движение сливаются также досылка затвора и обратный поворот рукоятки. Поэтому можно сказать, что перезарядка винтовки после выстрела производится всего двумя движениями.

чок за кольцо, резко стянуть винтку с оси, волчок начинает очень быстро вращаться. Так запускают эту игрушку. Теперь вращающийся в кольцевом каркасе волчок приобретает удивительные свойства.

Попробуйте, взявшись за кардас, быстро повернуть волчок а какую-либо сторону. Окажется, что он резко сопротивляется этому.

Гироскоп.

Можно приваить конец итнка к нижнему винтику кольца и, подня гироскоп за эту итнку, заставить его висеть в воздухе, самом неестественном, казалось бы, положении. Он будет висеть неывая даже тогда, когда его ось расположена горизонтально или наклонена свободным концом вверх либо вниз. Быстро вращающийся волчок упорно сохранит по направлению оси, при котором мы его запустили.

Но вот скорость вращения колесика уменьшится, гироскоп как бы ослабевает, он уже не в силах удерживать себя и, постепенно описывая, принимает положение любого тела, висящего на итнке.

Удивительное свойство волчка — сохранять свое положение в пространстве — приобретает всякое быстро вращающееся тело. Земля, на которой мы живем, все планеты и звезды — это гигантские гироскопы. Они быстро вращаются и потому сохраняют постоянное направление своей оси в мировом пространстве.

Теперь нетрудно понять, почему пуля, вылетевшая из винтовки не кувыркается во время полета.

Пуля внутри ствола. Стрелка указывает направление вращения.

а летит заостренной головкой вперед и очень устойчиво сохраняет это положение. Ведь она вращается с большой скоростью: три тысячи шестьсот оборотов а секунду!

А. Абрамов и Ю. Долгушин

Владислав ЯКУБОВИЧ

Пустыня! Это слово обычно вызывает представление о сипучих песках, выжженных солнечным зноем барханах, горячем, обжигающем ветре и караванах верблюдов; или воображение рисует безмолвные просторы Арктики, гургу, собачью упряжку, несущуюся по снежному насту.

Но пустыни бывают не только желтопесчаные или белоснежные. На карте мира немало зеленых пустынь — непроходимых тропических джунглей — и больше всего голубых — бескрайних океанских просторов.

Тихий океан — величайшая из голубых пустынь. В восточной его части встречается сравнительно мало островов. Но чем дальше к западу, тем их все больше. Острова эти часто образуют группы; таковы Марианские, Каролинские, Маршалевские и другие. Многие из них известны тем, что на них нашли спасение терпящие кораблекрушение уземне-мореплаватели.

Наиболее знаменит в этом отношении остров Гуам. Четыреста лет тому назад здесь высадился немецогаиный от голода и жажды верный кругосветный путешественник Фернандо Магеллан со своим спутниками.

Тяжкие муки пришлось пережить отважным мореплавателям в дни скитаний по бескрайним просторам океана. «Вода... писал один из спутников Магеллана... которую мы

принуждены были пить, тухлая и вонючая, мы ели кожу, которой покрываются слани, чтобы веревки не пергаирала дрова. Мы питались деревянными опалками, а мыши сделались таким изысканным блюдом, что за них платили по полдуката за штуку».

Положение казалось уже совершенно безнадежным, когда дозорные заметили на горизонте берег, покрытый пышной тропической растительностью. На фоне синего неба и голубого моря показались остров — зеленый оазис в голубой пустыне.

Флотилия туземных легких лодок — «каное» — вышла навстречу испанским кораблям. Веселые и любопытные островитяне привезли свежую рыбу, битую птицу, фрукты, сахарный тростник. Они бесплатно отдавали все, что у них просяли. Но и сами брали то, что им нравилось на кораблях. Пока испанцы запасались из острова водой и провизией, островитяне утащили с корабля, что только смогли. Магеллан наказал за это жителей крайне жестоко. А остров Гуам и соседние с ним назвал «Ладросес», то есть «Воровские», или «Разбойничьи», острова. Это наименование надолго закрепилось за ними, и только впоследствии их стали называть Марианскими.

Многие острова Тихого океана обязаны своим существованием грозным вулканическим

силам или же спокойной, безостановочной деятельности коралловых полипов. Быстро растут кораллы. Одно поколение наслаивается на другое, и вот уже образуются береговые и барьерные рифы, а то и целые острова. Наиболее типичной их формой являются атоллы.

И рифы и атоллы как будто самой природой предназначены для использования их в качестве естественных гаваней и опорных пунктов для кораблей.

Вот почему два века в век морские державы мира вели борьбу за овладение «Страной мелких островов» — Микронезией..

Некогда этот островной мир принадлежал Испании. Но после того как Филиппинские острова отошли к Соединенным Штатам Америки, Испания потеряла интерес к своим тихоокеанским колониям и в 1899 году продала Германии почти платформу тысяч островов Микронезии по «сходной цене» — за четыре с половиной миллиона долларов.

Германия не долго хозяйничала здесь: не успела разгореться первая мировая война, как японский военный флот занял Микронезию, за исключением Гуама и Джилибертовых островов, которые принадлежали США.

С тех пор Япония — фанатический хозяин микронезийских островов к Австралии и ее островным владениям, Американцы утверждают, что японцы за последние годы ввели на островах большое военное строительство. Острова превращались в грозные форты, военно-морские и военно-авиационные базы.

Еще задолго до нынешней войны японцы превратили Марианские острова и опорные пункты будущего наступления на США. На крупнейших островах — Сайпан, Тиньян и Рота — были созданы аэродромы, а на острове Сайпан — кроме того и мощные военно-морские базы.

Там, где носился по океанской глади легкий лодочник островитянина, теперь бороздил волны крейсер и рен авиационных моторов заступал разноголосицу первого аэроста.

Даже мелкие Каролинские острова, которых насчитывается не меньше пятисот, — и те частично были превращены в стратегические военные базы. На островах Вагэй и Палава японцы оборудовали стоянки для своих военных кораблей. А два маленьких коралловых острова — Понае и Кусайя — превратились в аэродромы.

Все эти военные приготовления были платой окутанным занесшей тайной, Японцы категорически запрещали иностранцам быть на островах Микронезии. Для путешественников,

1 Атоллы — коралловый остров, сложенный или разорванным кольцом окружающий лагуну.

Многим жителям Микронезии незнакомы объемные лодки. Для передвижения по рекам и заливам они пользуются самодельными плотами, связанными из лесных бревен.

исследователей и ученых Микронезия как бы исчезла. Она осталась только на картах. Несмотря на труд американцу Вильяму Прайсу, большим трудом удалось получить разрешение на посещение островов Микронезии.

«Мы плыли, — рассказывает Прайс, — по одному из наиболее опасных в мире морских путей, усейному коралловым рифами, на которые неожиданные штормы и тайфуны нередко бросают суда. В этих водах иногда появляются и снова исчезают острова вулканического происхождения. Даже названия на старых картах напоминают о грозных силах природы, например: «Остров Вулкана», «Остров Серых», «Грозный остров» и т. д. Теперь все эти острова получили японские названия.

Вдали, на горизонте, показался столб дыма. Это неуслышанный страж Марьянских островов — действующий вулкан Уракас. Здесь часто происходят его извержения. Тогда над скалами, пролетающих мимо судов опухают точки, а палубы и каюты (если в последних открыты иллюминаторы) покрываются слоем пепла. Даже в те дни, когда вулкан бездействует, из недр его слышится глухой рокот.

Уракас — самый северный из островов Микронезии — входит в состав Марьянских островов. Самый южный остров в этой группе — Гуам. После того как Магеллан покинул «Разбойничьи» острова, объявив их испанским владением, все здесь осталось без изменения. Иредка сюда заходили корабли, которые вели драгоценности из далекой Мексики, а спустя полтора века после Магеллана на Гуам явился первый испанский губернатор с отрядом солдат и группой монахов.

В 1898 году американскому военному судну понадобилось сделать только два захода, чтобы заставить сдаться гарнизон острова Гуам. С тех пор Гуам стал владением Соединенных Штатов Америки.

Гуам — самый большой остров Марьянских островов. Однако его длина не превышает сотню пяти, а ширина — пятнадцать километров. Рощи кокосовых пальм, бананов, апельсинных и лимонных деревьев покрывают его долины и склоны холмов.

Гуам, расположенный на пути между главной базой американского флота на Гавайских островах и Филиппинами, после открытия воздушного сообщения через Тихий океан стал перекрестком многих авиотрасс. Американцы открыли здесь школы граммоты для местного населения. Занятое спортом вождю и блат гуамской молодежи. Широкую популярность получили курсы и консультации по сельскому хозяйству и различным ремеслам. Большие работы были проведены и по военному строительству. Но Гуам все же оказался слишком

«Каменные деньги красуются перед юными домами островитян. Деньги выставляются крестьянами в доказательство своей законности. Диаметр каждой такой монеты достигает 45 метра.

На островах редко встречаются источники хорошей пресной воды. Местные жители чаще всего заготавливают для питья дождевую воду. К дереву подвешивается жолоб из древесной коры, и по нему дождевая вода стекает в глиняный сосуд.

далеко расположенным от главной базы американского флота, и когда японцы повели на него наступление, малоочевидный гарнизон сумел выдержать атак превосходящих японских сил. Помощь с основных американских баз заповода — и гарнизон слался.

Мидуэй и Уэйк в последние годы стали опорными пунктами американского флота. Немного до начала войны здесь были проведены большие работы по углублению гавани, сооружены подземные ангары, посадочные площадки для самолетов; на островах Палимира созданы американские топливные станции, на Дикарише и Эндерберри — аэропорты для сухопутных самолетов и базы гидростанции. Американцы перебродили до неузнаваемости эти острова. Там, где раньше были джунгли, возникли прекрасные автотрассы. Туземцы оделись в европейские костюмы и стали пользоваться автомобилем и велосипедом.

Запо японцы, овладев Микронезией, сохраняли на ней старые порядки. Давне время как бы остановилось. Древние обычаи и суеверия, страх перед грозными богами и всевластие королей, власть жрецов и старейшин продолжают держать в крепких путах канаков — жителей Микронезии.

Лишь по событиям, разгравшимся в последнее время в Коралловом море, можно судить, насколько острова Микронезия были укреплены.

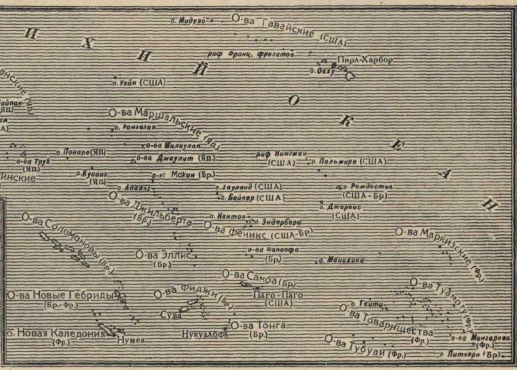
В первый этап войны на Тихом океане японцы сумели захватить наибольшие острова, принадлежавшие американцам, и тем самым овладели аэропортами, выдвинутыми настолько далеко на запад, что самолеты, вылетевшие с этих площадок, могут подвергнуть бомбардировке американские базы. Это, являло, и вызвало массированные налеты американских бомбардировщиков на занятый японцами остров Уэйк. Эти операции были столь успешны, что, по сообщению командования американской авиации, в гавайском секторе остров, по меньшей мере, два время стал непригоден для использования его в качестве авиабазы. Некоторые политики склонны видеть в этих налетах не только бомбардировочный успех, но и решение крупной тактической задачи. Обозреватели английских радиостанций, например, считают, что «японским налетом на остров Уэйк американские сухопутные бомбардировщики наметили путь для наступления союзников в центральной части Тихого океана».

Как бы там ни было, но в процессе войны Микронезия постепенно теряет свою «статусность». Вместо «зеленых оазисов» на карте все явнее вырисовываются грозные форты Великой голубой пустыни.

Марьянские, Маршалские, Песуусские, Каролинские, Джексоновы острова составляют «Страну медяки островов» — Микронезию — общей площадью в 3400 кв. км с населением в 100 тысяч человек. Остров Новая Гвинея, архипелаг Бисмарка, Соломоновых островов, Новые Гебриды, Новая Каледония и ряд других медяки островов образуют Меланезию. Общая площадь Меланезии равна 940 тысячам кв. км. На островах Меланезии живут около миллиона человек. Остров Новая Гвинея второй по величине на земном шаре. На этом острове в течение ряда лет шла и ведется, ведутся битвы наповод (взятых жителей острова), знаменитый русский ученый и исследователь Николай Николаевич Миклуха-Макачу.

В наши дни островной мир является одним из главных участков тихоокеанского театра военных действий.

ЛОДКА

С. КРУШИНСКИЙ

Рассказ*

Рисунки Е. Ховке

На этом берегу немцы. Их наблюдатели разгребли солому и дель-денской сидят на крышах высоких хат. В сараях на краю деревни спрятаны их пулеметы, а за кирпичной водостроенной кошкой — минометы. Все это можно узнать лишь постольку, если наблюдать за деревней Дубровин долго и пристально. А если просто так прийти и глянуть один разок, то деревня покажется вымершей. Безлюдные ее улицы, молчаливые дворы, потому что еще с утра, а сейчас немцы перестреляли. Жителям запрещено выходить из домов.

Деревня на другом берегу партизанская. Дома ее частью сожжены, а частью разрушены выстрелами онем. Два месяца назад стартовая выдать партизан из этой деревни, и все выстроило. Если пойти по тому берегу вверх по течению реки, то окажешься в самом центре партизанского края, а вниз по течению, за лугами, залитыми водой, сидит в большом селе немцы. Через село пролегла шоссевая дорога. Из Дубровин видно, как минаева мост, по ней проходит фашистские грузовики. Осторожные огоньки их фар можно бегать по другой воде аспиринраду, через островки и кустарники. Видны также немецкие насосы, неподвижно стоящие у въезда на мост. Жители знают, что насосные сидят в засаде и на берегу, близ моста, и даже на островке.

Высоко ныне поднялась вода, затопила все округи и лощины, залила леса и на время прервала в этом уголке военные действия. Защитные барьеры так и не успели. Немецкие солдаты в Дубровин делят сидят на крышах, дома и Дубровин артиллерия и обстановка артиллерии, с ватальной стороны рассматривают болы. По ночам они тяжело хрипят в хатах, отлучившие от бездумия и любви. Дремлют матиры около кроватей залупанных детей.

Восемьдесят Вазуеу кажется, что бодрствует один только он во всей деревне, его тонит слезами страх, ему холодно, но он не уходит. Дело в том, что партизаны строят да реки какой-то несоборный плот. Вадим знает это, покажутину разговору взрослых. Он вышел из избы. И вранца, при свете луны было видно, как за рекой плыли мек деревеньки к руслу Старцы идишь с сухими глазами, залезавшим, садомой. Жаль только, что нельзя было разглядеть, что делается в самом аэвизмосте русле Старцы. На другой вечер Вадим опять, вперевизу вчерашние стремена, сел верхом на гурб старой ветлы и стал смотреть на тот берег. Но там была была только лунная дорога на воде, она поблескивала меж деревьями, как ласковый сон. Вадим в самом деле начал было дремать, как вдруг из-за калыба Старцы медленно выплыл, алексоний слабый тевенчик, странный плот. Если бы Вадим не знал, что партизаны строят плот, то он подумал бы, что это просто-напросто куча лесного хлама, подпитая разливом.

Плот выплыл в русло реки, и его потащало быстрее меж затопленными лугами, мимо островков, на которые спускали немцы. Плотом плыло дельцы до моста. И вот, как только березка коснулась своими ветвями тяжелых мостовых балок, раздался страшный взрыв, от которого вырвались окна и раскрывалась внасть дельца избы. Вадиму хотелось дохнуть, но он не решился пойти в эту дверь, потому что она раскрывалась сама собой. Хорошо, что выныл дель, босой, бороздаты; он закурил и сказал: — Все-таки сорвали мост.

Ночью Вадиму не спалось на печи, все мерещилось, что он сам дельца венто аэвизом и таинственно, а рано утром его разбудил многоголосый женский вопль. Он соскочил с печи и выбежал на порог, но бабка сейчас же заглянула его назад в избы.

— Баба, чего они аичаут? Бабка, зачем они аичаут? — спрашивал Вадим.

— Да уж эри не берут аичаут, — ответила бабка. — Опять забесились, асидым немцы. Что теперь делается на большой улице! Ты смори у меня, и носу не показывай. Намстерь аэвизом.

Немцы аичаут распузы. Они шли из лозу а мек и пробовали аичаут им лодки. Но лодки ую у кого не оказывалось, немцы кричали, грозилась. Раздалось несколько выстрелов. Вадим с делом и бабкой жили на отпине, в садиковой вырубке у реки. Сюда немцы пришли лишь вкд вечер.

Оухонкая старушка стояла в открытой двери. Старик сидел, склонившись вперед, на полуобрустанных обрубах бремен. Он заманивал кожда-то подвести новые стонки, укрепить сарай, да началась война, пришел немец, и у идада как-то опустились руки.

Немцев было трое: долговязый офицер, который в первый же день вынесел деревню своей огромной тушкой; усталый, худой, немолдой уже ефрейтор с прожаранными коленями; и лобастый молодой солдат в новом обмундировании, недавно прибывший из Германии.

Лобастый солдат сердито поглядел старуку на шапку. Старик поджался. Офицер стоял перед ним на лужайке, широко расставив длинные ноги. Ефрейтор астал сбоку — так, чтобы ему были видны и офицер и старик. Он исполнил роль переводчика, хотя сам говорил по-русски через паль-козочку. Унико, без всякого выражения он сказал фразу, которую уже не раз повторил в этот день:

— Германский армия аичому не желат аэо. Германский армия аичаут, чтобы аи добровольно сдали лоттка. Повинайт? Германский армия будет аичаутинать партизан. Повинайт?

Старик аил и волокнула на бровишню мату свою фуражку и стал разгладывать ладонями пустье еще, хотя уже и последние волосы.

— Дело аичитре, как вы повинайт! — аичала он.

Но переводчик перебил его:

— Не так много. Германский армия любит короткий ответ: «Я хотиню отдал аам... это лоттка». Вот так.

— Да кабы она была!

— Что? — спросила переводчик повысившим тоном.

Старик молчал.

— Ну? — повторил сам офицер.

— Нету у меня лодки, — сказал старик.

Переводчик обратился к офицеру. Тот сделал утвердительный знак, и ефрейтор стал аичаутинать обычные в таких случаях угрозы. Потом он пошел на хатрость.

— Вы любите раба? — спросил он.

— Кто же не любит, — ответил старик.

— Вы есть богатый человек? Вы покупали раба... это... ладка?

Старик даже плечами пожал. Вот куда! И аичаут на речу.

— О! Вы сами покупали раба?

— А какое тут дело? — рабу поймаю.

— «Живо» надо говорить просто. Вы поймайт раба?

— Ну, аймайт!

— Очень хорошо. Лоттка! — громко крикнул переводчик.

— Вот ты чего геталл! Говорю, нету лодки.

Я эе, рабу-то, с берега лодка.

Лобастый вывел старуку. Переводчик аичаут аичаут, что немецкой армия аичаут лодки и что если она будет неблагоприятна и не отдал лодку, то ее муж будет казнен.

Старука стояла молчаливая, упрямая, смотрела на мир глазами строгого судьи.

— Ба-аичаутин! — проговорила она с горьким мучиванием.

Офицер приказал аичаутинать:

«Лоттка!»

Ни старик, ни старука не отозвались и даже не посмотрели на него.

Лобастый аичаут аичаут автомата и дал короткую очередь стрел в голову, в тевное, аэвизоме надобно, на которое аичауте предид пустье и курчавых, хотя уже и последние волосы.

Старик аичауте вперед. Лобастый дал еще очередь. Старик поперевизму сидел, склонившись головой на колени. Тогда офицер толкнул ступня ногой, и старик аичауте аа бровью; он был мертв.

— А-а! Ба-аичаутин! — еще раз проаичаутала старука.

Переводчик продолжал:

— Если вы не желат аичаут лоттка, германский армия будет... это... аичаут... ваш дом горит!

— Ба-аичаутин! — опять повторила бабка, не отнявая ладоней от лица; но ее иссохшим руками бежали слезы.

Офицер сделал повторяющийся жест. Ему

* Темой для этого рассказа послужила известная история.

БОЕЦ-САМОКАТЧИК

В. ЗЕРБЕВ

деловое все это, Лобастый подхватил кучу своей сумки, которая вылетела тут на него, и встал, выскочил, бросил ее на порог и убежал в замок.

Идибуку оставило пламя. Было видно, как в горшине сомы выбежал мальчик. Потом он мчнулся назад. Потом заволокло стеклом, в вместе с выбитым окном воруясь анализатор Вадим горелых спешен. Старуха мчнулась к нему, чуть не сбив с ног любящего солдата. Никто еще опомниться не успел, а она уже вышла в саду, которая по ту сторону сада подступала к самой аэралине, и окунала ребята.

Потом она вышла, полонела мальчика на землю, а сама отошла на старое место и точно окаянела.

— Да летит? — спросил Вадим переводчицы.

— Ой, даду! Убей! Не знаю я никакой лютки! — ответил мальчик, всхлиывая и осторожно перебирая пальцами от обожженной ноги.— Ой, даду! Убей! — опять повторил он.

Сидя на печи, он слышал, как долетели грозный расстрелом, слышал и выстрел, но только теперь понял, что беда уже нет в живых.

Гарнизонный ярица будет убивать этот жалкий старух и теб,— и точно повторил.

Но ему не дали закончить. Офицер опять сделал нетерпеливый знак, и Лобастый солдата выстрелил в старуху. Она нагнулась вперед, плава и упала на землю, не вставая. К дому шел еще один человек. Наконечной Офицер посмотрел на ясы. Обед опять опоздал. Солдаты недопустимо разболтались. Он приказал привести к нему мальчишку утром. Он развешивать эту ценку язык.

Немцы прогнали в деревню женщины и ушли сами.

Вадим лежал на сырой земле. Смерклось. Мальчику казалось, что он не в силах даже подняться на ноги; так болело обожженное тело. Но стоило ему встать, и стало совсем уже страшно. Иба догнала, сделала холодно Вадим приподнял голову. Потом шепельнул ногой. Встал. Неможно кружилась голова.

Он вошел в воду и осторожно стал пробираться между кустов, как это по ночам делают. Был очень-очень страшно. Когда то ткнулся сюда, чтобы сказать Вадима за шиворот. Вадиму хотелось сказать: «Дед!»; и от этого желания становилось еще страшней, потому что дед вошел на деревню зеркала. И аэралине еще, что вот, рядом берет, что вода подхватит, закурит и унесет Вадима, и никто даже не увидит этого.

Так Вадим вышел к дуплистою дереву, которое действительно уже стояло у самого берега. К этому дереву была привинчена лодка, спрятанная в кусты. Вадим отпался ее и, упершись вешлом в дерево, отключился.

Темная, не отражающая звезд река подхватила лодку, стала вырывать из слабых рук мальчика таявшее тело. Но он вымахал и вздохнул вешлом: страх придала ему силы.

Все его вода унесла его, если бы на том берегу не заметила. На берегу стояла другая лодка. У берега брала в кустах целая еда лодок. И тут было так много взрослых мужиков — партизан,— что Вадим сразу успокоился.

— Кто-то сказал Вадиму: — Беги вон в том амбарчик, там доктор. А мы нынче ночью отомстим за твоего дед.

— Не прогоняйте меня, не надо, я хочу с вами,— торжественно, изумленно проговорил Вадим.

Партизаны отошли от него. Осторожно шагая по воде, они стали подносить к лодкам како-то таявшее оружие.

Когда очередь дошла до той лодки, на которой сидел Вадим, оказалось, что он спит. Сидя он несложно, выдвинула и что-то борюта.

Борюта партизан подвела его на рули и пошел к язибу.

Вадиму было тепло на руках, и привиделось ему, что он едет на лодке, и везет, и везет в лодке, а теперь баба везет его, забавного, в теплую язибу.

На самом же деле Вадим не отел, только что вышедший на берег из лусу.

Эту историю рассказал нам партизан «Дядя Федор», отряд которого действует в Смоленских лесах. В тех самах, которые прозваны немцами чортювыми лесами.

Однажды, идя по шоссе на немецкий гарнизон, расположенный в одном селе, партизаны застали там богатые трофеи. Были среди них и велосипеды. «Пригодится», — решил «Дядя Федор», осматривая немецкие самокаты. Два бойца — партизаны Митя и Фролавир Вальсильер — умели ездить на велосипеде. Они стали обучать велосипедной езде еще троих бойцов. Учиться было не в широком тракте: там немцы стояли, — а на узких лесных тропинках.

Трудно было. Под широкими французскими и голландскими шляпами кашкала грязь, мешал корневина. Умники часто вылетали из седла. Но через три недели партизаны стали ездить на самокатах.

— Есть задание, — сказал вскоре «Дядя Федор». — Сидите на своих «кошках» и ждете в там врага. Надо узнатокать восток через реку Вазю. Дано на операцию пять часов. Поинтню?

Самокатчики тронулись в путь. Точно через пять часов они вернулись к своим.

— Как? — спросил их «Дядя Федор».

— В порядке, ответили партизаны, — только, — один не захватил.

Помчался «Дядя»: — Кто? — Самокат сломался.

Улыбнулся командир, а потом снова наступил.

Самокат бегеб надо! Вот какое дело за пять часов обработано...

* * *

Велосипед оказывает большую услугу военным. Можно привести много примеров широкого применения велосипеда на фронте.

Вот велосипед в Красной Армии для связи. Тренеривый боец может проехать по сильно пересеченной местности со скоростью пятнадцати—двадцати километров в час. Ни автомобиль, ни мотоцикл при таком же дорожном усложнен не смогут равнять такой большой скорости. Часто на самокатах возлагаются задачи по разведке, санитарной службе, прокладке телефонных кабелей и т. д. В период осеннего бездорожья, когда автотранспорт почти бездействует, на велосипеды переоборудуются с одного участка фронта на другой целые подразделения бойцов.

Если вы хотите стать бойцами-самокатчиками, — больше тренируйтесь в парках, в джунглях, поле, чаще поворачивайте руль на дурнообъезженную дорожку. Не смущайтесь тем, что она сильно изветшена. Выбирайте для тренировок узкие, извилистые тропинки. Езда по извилистым дорожкам, встреча с неожиданными препятствиями развивают у велосипедистов чужую ориентацию, умение а совершенстве владеть машиной.

«Как стать отличным велосипедистом? Смогу ли я им быть?» — такие вопросы нередко задают новички, еще не разу не разившийся в седло самоката.

В начале XIX века, когда немецкий дизайнер Дрейзе издал патент на «бегегающую машину», да и позже, когда французам Мишо и Палланом усовершенствовали ее: ввели педали, поставили на колесах шины, — считался, что велосипедистам могут быть только изобретениями. Велосипед в начале второй половины XIX века прозвали костограмом. Надо было иметь счастье не растерять кости при первой же поездке на этой убогой машине.

Обе стороны. Современный велосипед — более совершенная машина. На ней может ездить каждый. А качества, необходимые самокатчику, вырабатываются систематической трени-

ровкой. Поэтому вопрос: «Как стать отличным велосипедистом?» — должен быть заменен вопросом: «Как организовать правильную тренировку?»

Прежде всего приучайте свой организм к предельным нагрузкам. Начинать поездки на велосипеде со средней скоростью а десяти—двадцати километров. Совершайте поездки через два—три дня. Старайтесь при этом постепенно увеличивать километраж и повышать скорость езды. Когда почувствуете, что организм ваш подготовлен для большей работы, можно совершать поездки на скорости выше средней.

Редкий новичок, усевшись на седло, проявляет храбрость. Только заметит на дороге камень или яму — он уже тормозит. В тормозах он ищет свое «спасение». Чтобы отучить новичка от такой трусости, надо приучить его преодолевать препятствия с помощью глазомера и расчета.

Полезно знакомиться с видами видов препятствий в отдельности. Выучитесь ездить на ходу и переключать передачи. Выберите круглый холм и попробуйте взобраться на него. Вы проехали десять—пятнадцать метров, а потом чувствуете, что ноги выжидают, как говорят, откалывать. Пристаньте с седла и везом всего тела давите по на одну, по на другую подала. Такой стиль на машине называется стартовоиниша.

Встретив на своем пути канаву или ров, вы должны должны определить глубину и характер края. Если они таковы и канавы довольно широка, направьтесь туда, насколько сможете. Онутившись вину, сильнее давите на педали, чтобы не потерять энергию и не застрять на откосе. В сумраке поканаву с глинистой или другой скользкой поверхностью трудно перебраться таким образом. Лучше слезть с машины и перейти ее пешком. Не переключайте вровы на канаву, особенно узкую, под прямым углом; можете потерять эластик, раму, колеса или обрушиться на землю.

Часто при быстрой езде только в последний момент замечаете препятствие. Тут уже тормозить некогда. Принимайте решение на ходу. Если выехали на небольшой ствол дерева обкатите везду, чтобы переинте кору назад и резким рывком тащите руль на себя. От этого переднее колесо поднимается в воздух и проходит над препятствием, не касаясь его. В тот же момент корпус переинтеается вперед, к рулю, чтобы отбодить заднее колесо от наивысшей везды, то есть снизить удар.

Вам надо лавить с десятилетием. Его надо срочно доставить командир части. Выехал а яоле, вы чувствуете, как сильный встречный ветер тормозит продвигание вперед. Что делать? Надо стараться вернуться преграду. Нагнетесь ниже к рулю, примитесь, если можно так выразиться, обтекаемую форму — и вы тотчас же почувствуете, что ехать стало гораздо легче. Когда будете возвращаться, ветер станет поперечным. Будете везете вперед — ветер толкает вас вперед, поощает увеличивать скорость.

Тренируйтесь, не гонитесь. Правильно распределите свою энергию на все дистанции. Помните: если вы начнете еду в полную силу, к концу выключитесь, будете потеть, ехать будет чрезвычайно тяжело. Значит, скорость следует увеличивать постепенно.

Сидя на велосипед, не надрывайте мышцы, не связывайте крепко руль. Управляйте машиной непринужденно. Не смотрите на переднее колесо, а взглядывайте вперед. Если вы едете десять метров, следите за тем, что у вас впереди.

Только упорной и систематической тренировки можно выработать нужные на войне навыки и привычки. Поэтому старайтесь как можно свободнее часом, чтобы научиться отменно управлять машиной, полностью подчинить ее своей воле. Это очень пригодится в бою.

Танки идут на фронт

Фотоочерк С. Струмикова

В своем докладе о XXIV годовщине Великой Октябрьской социалистической революции товарищ Сталин говорил: «Наши танки по качеству превосходят немецкие танки, а наши славные танкисты и артиллеристы не раз брали в бегство хваленые немецкие войска с их многочисленными танками. Но танков у нас все же в несколько раз меньше, чем у немцев. В этом секрет армейских успехов немецкой армии».

Работники танкостроительной промышленности хорошо запомнили наказ товарища Сталина: неутомимо, самоотверженно трудиться, чтобы дать фронту как можно больше стальных быстрогоходных машин. Танковая промышленность Советского Союза стала в несколько раз сильнее, чем в начале войны. В глубоком тылу, в местах, куда не долетит ни один фашистский стервятник, выросли огромные корпуса крупных танкостроительных предприятий. Танков у нас стало гораздо больше. Танки наши стали совершеннее и быстрее. Но их должно быть еще больше, этих бронированных крепостей. Наши отважные танкисты не должны испытывать недостатка в этом грозном боевом оружии.

И-ский танкостроительный завод, литейный цех, положив на дворец Танки готовы, скоро они пакнут завод.

И-ский танкостроительный завод. Самоотверженно трудится на своем посту наладчик Г. П. Елаков — один из инициаторов движения тысячников. Он награжден орденом Ленина.

Вот они, стальные громады, изготовленные на И-ском танкостроительном заводе.

Поток бронированных машин движется на фронт.

Пришел час боевого испытанья. Танкисты ведут в бой новые машины.

Ответственный редактор — Д. В. ПОСТНИКОВ.

Зам. ответственного редактора — Ю. А. ЭШМАН.

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24.

Тел. Д 3-34-24.

Непринятые рукописи не возвращаются.

А 61490. Подписано и печатно 19/VIII—42 г.

Изд. № 633.

Формат 72x110 см. 3 п. л. 88. В п. л. 93 000. Зак. 1870.

Тираж 92 000 экз.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

* - 6 СЕН 1942